МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

CXXXII Международная научная конференция



ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КАЗАНЬ

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43
И88

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*
Редакционная коллегия:
Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов, Н.М. Сараева, Т.К. Абдрасилов, О.А. Авдеюк, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуйкова, Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Искаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда, М.Г. Комогорцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди, С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина, М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев, А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сенюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова, И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:
З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Арошидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия), К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина), Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан), А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан), Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Искаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан), А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Колпак (Россия), А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия), Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина), М.А. Нагервадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Прокопьев (Россия), М.А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия), Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан), М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

И88 **Исследования молодых ученых** : материалы CXXXII Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2026 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой ученый, 2026. — iv, 96 с.

ISBN 978-5-6055990-7-4.

В сборнике представлены материалы CXXXII Международной научной конференции «Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6055990-7-4

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Owayez R.D., Nooralhuda H.H.
Parametric investigation of the buckling behavior of re-entrant cellular structures using finite element analysis. 1

МЕДИЦИНА И ФАРМАКОЛОГИЯ

Авдуев И.С.
Региональные особенности организации дневных стационаров для взрослого населения в Чеченской Республике. 12
Коновалова В.И.
Принципы рационального питания и диетотерапия в санаторно-курортном лечении города-курорта Кисловодска. 16
Хачатрян Л.Ж.
Анализ степени информированности гостей ФГБУ «ЦМР «Луч» МЗ РФ по вопросу профилактики бронхиальной астмы и роли в ней медицинской сестры. 20

ГЕОЛОГИЯ

Таирова С.А.
Роль коэффициента Херста при заводнении пластов 26

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Майоренко Д.И.
Правовое обеспечение безопасности при модернизации горнообогатительных комбинатов. 31
Романченко Т.В.
Проблемы и перспективы развития институтов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних в РФ 37

Торнопол Е.Р.
Наследование права администрирования доменным именем: конкурирующие подходы судебной практики и пути их унификации. 41
Файзуллаев Ш.С.
Участие граждан в отправлении правосудия: смешанные составы и присяжные в Японии, Германии и России. 50
Хабибуллина Г.М.
Исторические закономерности развития институтов амнистии и помилования в российском праве 55
Чулпонов Э.А., Маныев Р.
Проблемы и тенденции правоохранительной деятельности в зарубежных странах: современные вызовы и перспективы. 61

ПСИХОЛОГИЯ

Самохина М.В.
Отличительные особенности самоактуализации у лиц с успешной профессиональной самореализацией 66
Трифонова А.Д.
Использование искусственного интеллекта школьниками: новая форма или новая суть академического обмана? 71

ПЕДАГОГИКА

Жлобич П.Д.
Методология интеграции принципов «зеленой» биотехнологии и экологической безопасности в профессиональную подготовку технологов фармацевтического производства 79
Овезова Г.Ф.
Методическое обеспечение деятельности наставника по адаптации молодого специалиста в дошкольной образовательной организации 83
Стороженко Е.Ю.
Построение системы коррекционной работы по теме «Словосочетание» в 8-м классе 88
Якунина В.А., Иванова Л.А., Дрыкова И.В., Старушкина Э.В.
От зеркала к биоуправлению: инновационные нейрологопедические технологии в работе со старшими дошкольниками. 92

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Parametric investigation of the buckling behavior of re-entrant cellular structures using finite element analysis

Owayez Raheem Dohan, PhD;
Nooralhuda Hamzah Haleem, student
University of Al-Qadisiyah (Al-Diwaniyah, Iraq)

This research examines the effect of the re-entrant angle and the wall thickness on the linear buckling of cellular materials through finite element analysis. Six cellular materials models have been designed considering three different re-entrant angles (50°, 60°, and 70°) and two different wall thicknesses (0.7 mm and 1.0 mm). The analyses of the models were done using ANSYS software under axial compressive load. The models underwent linear static analysis at a reference load of 10N before performing eigenvalue buckling analysis in order to obtain the critical buckling load and the corresponding deformation modes. It was found out that there was a significant variation of the critical buckling load depending on the geometrical parameters, ranging from 41.178 N to 170.650 N. For a re-entrant angle of 70° and a wall thickness of 1.0 mm, the maximum buckling force was predicted. In contrast, the minimum was noted in a combination of 50° and 0.7-mm wall thickness. Allowing for an increase in the wall thickness enhanced buckling strength in all three cases, but to varying extents. Results indicate that geometric design is key to achieving elastic stability of re-entrant cellular structures. This research work serves as a foundation for assessing buckling behavior of lightweight cellular structures using numerical means.

Keywords: *Re-entrant cellular structures, Eigenvalue buckling, Finite element analysis, Critical buckling load, Wall thickness, Structural stability.*

1. Introduction

Cellular architectures have gained widespread interest in the field of mechanics and structural engineering due to the features of light weightness along with the ability to control their mechanical properties by manipulating their geometry. Re-entrant

honeycombs are among those architectures whose cell walls can be designed such that their inclination is towards the interior to generate auxeticity. Such behavior has made re-entrant designs appealing in lightweight structures, protection devices, and energy absorption systems [1–3]. Nonetheless, mechanical behavior is very sensitive to the design geometry and wall thickness. Current studies have emphasized the significance of geometric factors in controlling the mechanical behavior of re-entrant cellular materials. Srivastava et al. [4] studied geometric modification of re-entrant honeycombs and highlighted the auxetic behavior by virtue of non-linear deformations. The re-entrant honeycomb structure made up of self-similar inclusions was proposed by Chen et al. [5]. The authors highlighted the enhancements in stiffness and energy absorbing capacity of the structure. Széles et al. [6] studied the behavior of doubly re-entrant honeycombs and found out that variations in geometric parameters can affect the compressive strength and deformation mechanism of the structure. Likewise, Xu et al. [7] studied the multi-arc re-entrant honeycombs.

Some other studies have been done with regards to the relation between geometry and compressive properties. Non-uniform re-entrant honeycombs have been tested both experimentally and numerically, where it was found that changing the internal crosslinks in the honeycomb can greatly change their compressive behavior [8]. An equivalent model of 3D re-entrant honeycomb structure has been suggested by Liu et al. [9], where the effect of geometry on the structure deformation is highlighted. Numerical modeling of auxetic honeycombs has been studied by Tabacu et al. [10].

2. Materials and Methods

2.1. Geometrical Modeling and Design Parameters

The following six models of re-entrant cells were created to understand the influence of re-entrant angles and cell wall thicknesses on the linear buckling response. as shown in Table 1.

Table 1. **Geometric Parameters of the investigated re-entrant cellular structures**

Model	Re-entrant angle, θ (°)	Wall thickness, t (mm)	Cell arrangement	Extrusion depth (mm)
C1	50	0.7	4 × 4	10
C2	50	1.0	4 × 4	10
C3	60	0.7	4 × 4	10
C4	60	1.0	4 × 4	10
C5	70	0.7	4 × 4	10
C6	70	1.0	4 × 4	10

2.2. Properties of the Material

Cellular structures were described as polylactic acid strengthened for enhanced mechanical properties (PLA+). It is supposed that the material is homogeneous, isotropic as shown in Table 2.

Table 2. **Mechanical properties of PLA+ used in the numerical analysis**

Property	Value	Unit
Young's modulus (E)	566.22	MPa
Poisson's ratio (ν)	0.36	—
Yield strength	8.12	MPa
Ultimate tensile strength	14.74	MPa

2.3. Finite Element Modelling

Geometrical models were introduced to ANSYS Mechanical 2026 R1 software package for performing finite element analysis. Solid three-dimensional finite element modeling was employed for each of the cellular geometries as shown in Figure 1(a).

2.4. Boundary conditions and loading of structures

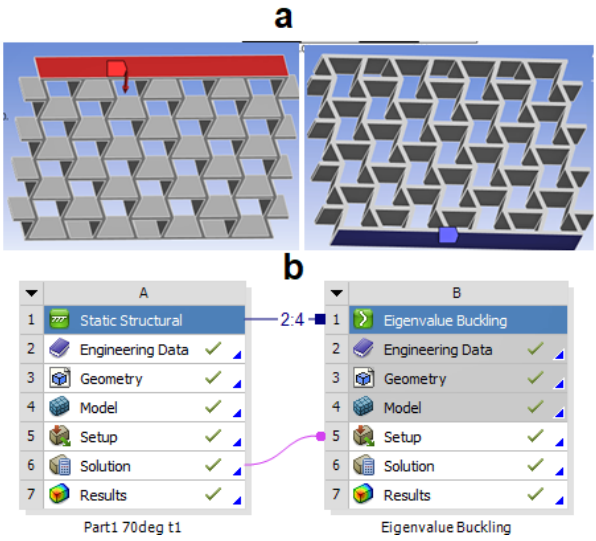


Fig. 1. **ANSYS Workbench Workflow for Static Structural and Eigenvalue Buckling Analyses**

Axial compression loading was applied on the vertical axis load of 10N. All models had a fixed support boundary condition at the bottom surface as shown in figure 1(a) below. The same nominal load and support conditions were used for all six different cases. First, a static structural analysis was conducted to determine the stress field needed for the eigenvalue buckling analysis. Then, the static structural analysis results were coupled with the Eigenvalue Buckling analysis module of ANSYS workbench, as shown in Figure 1 (b).

The applied reference force was defined as:

$$F_{ref} = -10N \quad (1)$$

where the negative sign indicates the direction of compression along the Y-axis.

2.5. Linear Eigenvalue Buckling Problem

The linear eigenvalue buckling problem was used to obtain theoretical critical compressive loads and determine the instability mode of the cellular structures.

The linear eigenvalue buckling problem may be stated in a general form as follows:

$$(K + \lambda_i K_G)\, \Phi_i \quad (2)$$

where: **K** is the elastic stiffness matrix, $\mathbf{K_G}$ is the geometric stiffness matrix associated with the reference stress state, using the adopted sign convention, $\boldsymbol{\lambda_i}$ is the buckling load multiplier for mode (i), $\boldsymbol{\Phi_i}$ is the corresponding buckling mode shape.

Critical load was obtained by taking the product of the least positive value of buckling load factor and the magnitude of applied compressive force:

$$P_{cr} = \lambda_i \mid F_{ref} \quad (3)$$

Since the reference compressive force was 10 N:

$$P_{cr} = 10\lambda_i N$$

For each design, three buckling modes were needed. For the primary comparison of the critical loads, only the first buckling load mode was used.

The computed shape modes indicate a normalized instability and cannot be considered real displacements. Moreover, the linear eigenvalue buckling analysis considers an ideal structure without taking into consideration geometric non-linearities and post-buckling behavior.

2.6. Procedure for Numerical Analysis

The numerical study was performed following a systematic procedure. Initially, the six geometries of cells were modeled in SolidWorks based on the variation of

re-entrant angles and thickness of walls as shown in Figure 2 (b). assigned and finite element meshes were generated.

Subsequently, the fixed boundary condition and the compressive reference load were applied, and the linear static structural analysis was carried out. This generated the reference stress state which was used in the subsequent eigenvalue buckling analysis to obtain the buckling load multipliers along with the respective mode shapes and calculate the critical buckling loads for all six configurations.

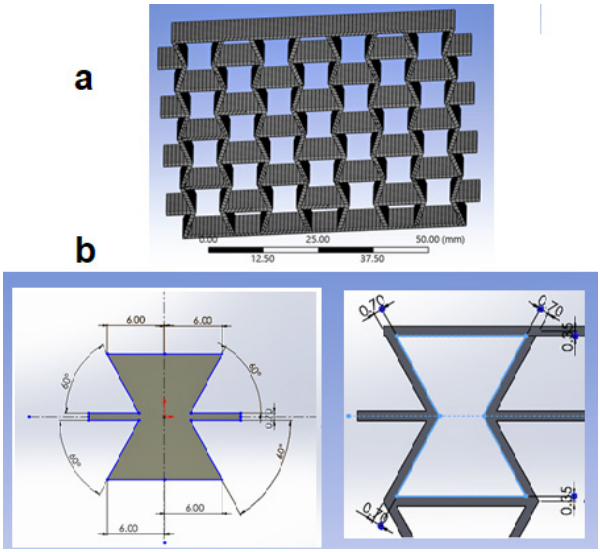


Fig. 2. **The three-dimensional cellular models and finite element mesh**

3. Results and Discussion

3.1. Buckling Load Multiplier Evaluation

Linear buckling behavior of the six re-entrant cells was analyzed by performing eigenvalue buckling analysis. The first buckling load multiplier was used to predict the theoretical critical buckling load of each of the cellular configurations for a compressive load of 10 N as a reference load. The calculated values are tabulated in Table 3 below.

Table 3. **First mode buckling load multipliers and critical buckling loads of the re-entrant cells under investigation**

Model	Re-entrant angle (°)	Wall thickness (mm)	Buckling load multiplier	Critical buckling load (N)
C1	50	0.7	4.1178	41.178
C2	50	1.0	16.0980	160.980
C3	60	0.7	10.2380	102.380
C4	60	1.0	16.9240	169.240
C5	70	0.7	17.0140	170.140
C6	70	1.0	17.0650	170.650

The findings reveal that the critical buckling loads that have been estimated differ greatly from one model to another. The least critical buckling load of 41.178 N was obtained in model C1 whose re-entrant angle is 50° and wall thickness is 0.7mm. On the other hand, model C6 whose re-entrant angle is 70° and wall thickness is 1.0mm has the greatest critical buckling load of 170.650 N. The figure 3 (b) shows the differences in critical buckling loads of the six models.

It can be seen from Table 3 that the critical buckling load of C6 was about 4.14 times larger than C1, which highlights the substantial effect of the studied geometric geometries on the theoretical elastic stability of the cellular materials.

These variations show that the buckling resistance depends on both re-entrant angle and wall thickness. However, the extent of their effects on the theoretical buckling resistance varies depending on the geometry of the structure.

3.2. Effect of Re-entrant Angle on Buckling Resistance

Effect of re-entrant angle was assessed in terms of critical buckling load with the wall thickness kept constant.

Considering the structures with wall thickness 0.7 mm, increase in re-entrant angle from 50° to 60° caused the theoretical critical buckling load to increase from 41.178 N to 102.380 N. An increase in the re-entrant angle up to 70° resulted in an increase in the theoretical critical buckling load up to 170.140 N.

However, a similar trend with a smaller increase in the critical buckling load was noticed for the models having wall thickness of 1.0 mm. The critical buckling load for the angle of re-entrant of 50° is 160.980 N which is increased to 169.240 N at 60° and 170.650 N at 70°. From the figure 3 (c), it can be seen that the critical buckling load increases with increase in re-entrant angle.

Results indicate that with an increase in the re-entrant angle, there is an improvement in the resistance to buckling. However, the effect decreases significantly in thicker cellular structures.

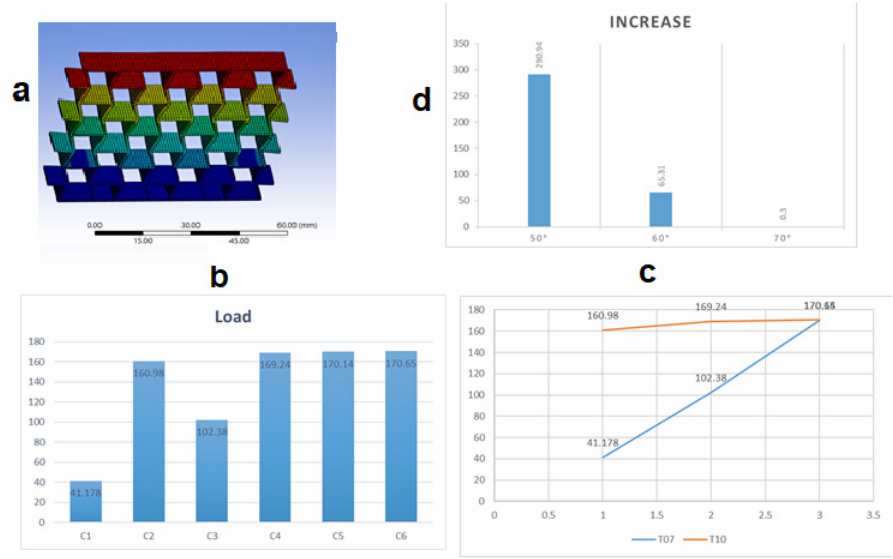


Fig. 3. **Effect of re-entrant angle, wall thickness, Critical buckling load on critical buckling load, and Percentage increase in predicted buckling load**

It is possible that this can be attributed to the variation in the orientation of cell walls and thus in the distribution of stiffness. However, the exact mechanism of instability should be examined through the mode shapes of buckling.

3.3. Effect of Wall Thickness on Buckling Resistance

Effect of wall thickness was studied by analyzing models that had the same re-entrant angles.

For 50° of re-entrant angle, the increase in wall thickness from 0.7 mm to 1.0 mm led to the increase in critical buckling load from 41.178 N to 160.980 N, which is an increase of approximately 290.94%.

For 60° of re-entrant angle, the critical buckling load increased from 102.380 N to 169.240 N, which is an improvement of 65.31%.

Nevertheless, at 70°, thickening the wall resulted in only a slight difference, from 170.140 N to 170.650 N, amounting to a mere 0.30%, as illustrated by Figure 3 (d)

below, which is the percentage increase in the critical buckling load due to thickening of the wall from 0.7 to 1.0 mm.

This shows that the effect of wall thickness varies greatly depending on the re-entrant angle. While an increase in wall thickness enhanced the predicted stability for all the cases considered, its effect decreased as the re-entrant angle increased.

The slight variation between case C5 and case C6 implies that the geometry may have a greater effect than wall thickness on the predicted instability behavior in this specific range of angles. Further analysis of the buckling modes would explain this behavior.

3.4. Interaction of Re-entrant Angle and Wall Thickness

The interaction between wall thickness and re-entrant angle was analyzed to see how these two parameters interact to control the buckling resistance.

It can be seen from the findings that the impact of wall thickness increase is not consistent with respect to different angles. The maximum benefit was seen at 50° angle while the minimum was seen at 70° angle. The impact of re-entrant angle increase was more pronounced in case of 0.7 mm structures as compared to 1.0 mm structures. This shows that neither geometric parameter alone can be used to understand the buckling characteristics. Rather, the critical buckling load prediction will depend on the geometric configuration as a whole.

Among the studied range of design values, the configuration with 70° re-entrant angle and 1.0 mm wall thickness exhibited the highest buckling load value. Yet, the difference between this configuration and the configuration with 0.7 mm wall thickness was slight. From this, we can say that maximum wall thickness does not necessarily mean proportional increase in buckling load.

3.5. Mesh Sensitivity and Numerical Restrictions

Mesh sensitivity analysis was performed for model C4 to study the effect of the nominal size of elements on the first critical buckling load.

Recent calculations have resulted in first-mode buckling multipliers equal to 16.924 and 17.775 with nominal mesh sizes of 0.90 and 0.95 mm, respectively. The corresponding critical loads are 169.24 and 177.75 N, with a relative difference of about 5.03%.

While the above two figures provide relatively similar values, previous studies on C4 yielded considerably different buckling load multipliers, even using nominally the same mesh sizes. Hence, the current comparison does not represent an adequate validation of mesh independence.

The critical buckling loads presented above must therefore be interpreted as preliminary estimates of the eigenvalue buckling problem and not validated failure loads.

Furthermore, the above analysis does not account for geometrical imperfections, material nonlinearity, or post-buckling effects, which might play an important role in the actual failure response of the cellular structure under compression.

$$\Delta P_{cr}\ \% = \frac{\left|P_{cr,0.95} - P_{cr,0.90}\right|}{P_{cr,0.90}} \cdot 100 \quad (4)$$

3.6. Buckling Mode Shape Analysis

Linear Eigenvalue Buckling analysis was carried out on all six of the re-entrant cellular structures for their respective buckling modes shapes. The first buckling mode was selected as the basic buckling mode since it has the least positive eigenvalue associated with the given configuration.

The computed data showed large variations in the critical buckling loads of all the different studied models. For model C1, the first buckling load is the lowest at 41.178 N, while for model C6, it is the highest at 170.650 N.

First mode buckling shape configurations are indicative of the probable deforming behavior of structure instability. In re-entrant cells, this may occur through deformation by bending of cell walls, localized deformation, and deforming configuration of the cellular structures. Nevertheless, the determination of which one of the deformations is the most dominant in a particular configuration requires a close scrutiny of the respective mode-shapes configurations.

It is necessary to state clearly that the amplitudes of the deformations presented in the eigenvalue buckling analysis are exaggerated. Consequently, the amplitudes presented in the respective mode-shapes configurations cannot be considered as the real deformation of the structure at the critical buckling load.

The findings indicate that the re-entrant angle and wall thickness have an impact on the predicted buckling capacity of the structures under consideration. However, the eigenvalue buckling theory describes only the point of instability for an assumed linear elastic system and does not explain the post-buckling behavior.

An analysis of the deformation modes of the first mode of deformation would give further understanding of the geometry-stability correlation.

4. Conclusions

In this research paper, the linear buckling response of six different cellular structures under the influence of two geometric parameters, namely, re-entrant angle

and wall thickness, has been studied through finite element analysis. From the above analysis, the following conclusions have been drawn:

The critical buckling loads computed varied from 41.178 N to 170.650 N, thereby showing that there was significant effect of the two geometric parameters on elastic buckling resistance. A rising trend in the critical buckling loads was observed for both the wall thickness cases when the re-entrant angle was increased from 50° to 70°. A wall thickness increase from 0.7 mm to 1.0 mm increased the theoretical critical buckling load by 290.94%, 65.31%, and 0.30% for re-entrant angles of 50°, 60°, and 70°, respectively. For re-entrant angles of 70° and a wall thickness of 1.0 mm, the theoretical maximum value of the critical buckling load is 170.650 N. Yet, there is only a minor difference compared to the corresponding 0.7 mm configuration. It appears that there is an interaction between re-entrant angle and wall thickness because an increase in the latter did not yield an expected increase in the critical buckling load.

These results represent a first attempt to numerically quantify the effects of geometry on the elastic stability of re-entrant cells. Nevertheless, the relatively small mesh dependency study together with the variations found in the numerical simulations limit the reliability of the quantitative results. Further research is needed in the form of a proper mesh dependency study, nonlinear buckling analysis including initial geometric imperfections, and experiments to evaluate real instability and failure conditions.

References:

1. Li, Xiang, et al. «Auxetic mechanical metamaterials: from soft to stiff». International Journal of Extreme Manufacturing 5.4 (2023): 042003.
2. Nugroho, Wendy Triadji, et al. «Additive manufacturing of re-entrant structures: Well-tailored structures, unique properties, modelling approaches and real applications». Additive Manufacturing 78 (2023): 103829.
3. Siniauskaya, Volha, et al. «A review on the auxetic mechanical metamaterials and their applications in the field of applied engineering». Frontiers in Materials 11 (2024): 1453905.
4. Srivastava, C., et al. «Exploiting nonlinearities through geometric engineering to enhance the auxetic behaviour in re-entrant honeycomb metamaterials, Sci. Rep. 13 (2023) 20915».
5. Chen, Zeyao, et al. «Enhanced mechanical properties of re-entrant auxetic honeycomb with self-similar inclusion». Composite Structures 331 (2024): 117921.

6. Széles, Levente, Richárd Horváth, and Lívia Cveticanin. «Analysis of mechanical properties and parameter dependency of novel, doubly re-entrant auxetic honeycomb structures». Polymers 16.17 (2024): 2524.
7. Xu, Hao, Hai-Tao Liu, and Guo-Feng Li. «In-plane characteristics of a multi-arc re-entrant auxetic honeycomb with enhanced negative Poisson's ratio effect and energy absorption». European Journal of Mechanics-A/Solids 109 (2025): 105473.
8. Baroutaji, Ahmad, et al. «In-plane compressive responses of non-homogenous re-entrant honeycombs fabricated by fused deposition modelling». Micromachines 15.6 (2024): 694.
9. Liu, Rong, et al. «VAM-based equivalent-homogenization model for 3D re-entrant auxetic honeycomb structures». International Journal of Mechanical Sciences 268 (2024): 109013.
10. Tabacu, Stefan, et al. «Parametric Analysis of Auxetic Honeycombs». Mathematics 13.10 (2025): 1676.

МЕДИЦИНА И ФАРМАКОЛОГИЯ

Региональные особенности организации дневных стационаров для взрослого населения в Чеченской Республике

Авдуев Имран Сулумбекович, аспирант
Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова (г. Грозный)

Проанализирован коечный фонд дневных стационаров для взрослого населения в Чеченской Республике. Терапевтические койки составляют более половины всех коек. Имеется отставание в развитии дневных стационаров при поликлиниках.

Ключевые слова: *дневные стационары, взрослое население, структура коечного фонда.*

Российский опыт здравоохранения показывает, что дневные стационары (ДС) дают измеримый медицинский, экономический и социальный эффект. Реструктуризация коечного фонда позволила разгрузить круглосуточные стационары [1]. При этом развитие разных типов дневных стационаров идет неравномерно. Отмечается межрегиональная дифференциация обеспеченности койками больниц и поликлиник, что снижает доступность медицинской помощи на конкретной территории [2].

Цель исследования — проанализировать соотношение количества дневных стационаров больничного и амбулаторного звеньев в Чеченской Республике и оценить его влияние на доступность медицинской помощи взрослому населению.

Материал и методы

Использованы статистические данные (форма № 14дс «Сведения о деятельности дневных стационаров лечебно-профилактического учреждения» и форма № 14 «Сведения о деятельности подразделений медицинской организации, оказывающих медицинскую помощь в стационарных условиях») за 2010–2024 гг. Применены информационно-аналитический и статистический методы.

Результаты

В Чеченской Республике в последнее десятилетие отмечается рост коечного фонда дневных стационаров, организованных как при больницах, так и при поликлиниках. При этом развитие коечного фонда дневных стационаров больниц для взрослых значительно опережает развитие коечного фонда дневных стационаров поликлиник. Коечный фонд ДС больниц достиг своего максимума в 2023 году, составив 1060 коек. По сравнению с ним коечный фонд дневных стационаров при поликлиниках в тот же период был меньше в 1,3 раза и составил 794 койки. В настоящее время отмечается заметное сокращение коечного фонда дневных стационаров при больницах — до 830 коек — и дневных стационаров при поликлиниках — до 651 койки (рис. 1). Таким образом, показатель обеспеченности койками дневных стационаров в республике составил 12,20 на 10 тысяч населения — ниже, чем закреплено нормативами (12,55).

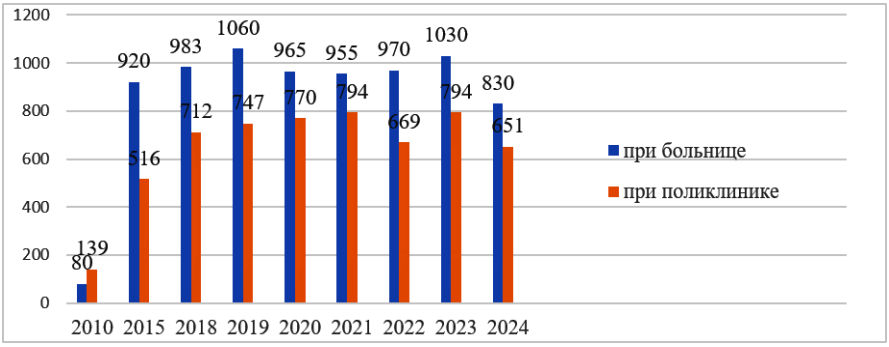


Рис. 1. **Динамика коечного фонда дневных стационаров для взрослого населения в Чеченской Республике в 2010–2024 гг. (абс.)**

Результаты исследования указывают на приоритетное развитие в республике дневных стационаров при больницах, коечный фонд которых вырос как в городе, так и на селе. Обращает внимание преимущественное сосредоточение коечного фонда дневных стационаров в городах. Так, только третья часть коечного фонда дневных стационаров, организованных для взрослого населения при больницах, (310 коек) функционируют в селах. Остальные 62,6% (520 коек) находятся в городах.

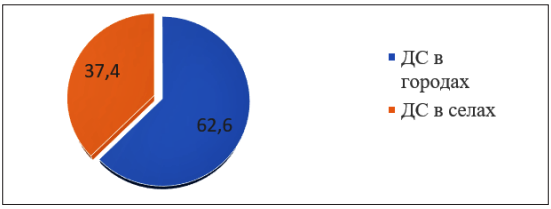


Рис. 2. **Распределение коек ДС больниц в городе и на селе (%)**

Отмечается аналогичное распределение коек ДС поликлиник для взрослых. Из общего числа коек ДС в медицинских организациях (651) в сельской местности функционируют 200 коек, или 31,0% (рис. 3). Характерно, что в сельской местности в центральных районных больницах, где имеются стационары дневного пребывания, отмечается отсутствие дневных стационаров в поликлиниках. И наоборот, там, где имеются дневные стационары при поликлиниках, отсутствуют дневные стационары при больницах.

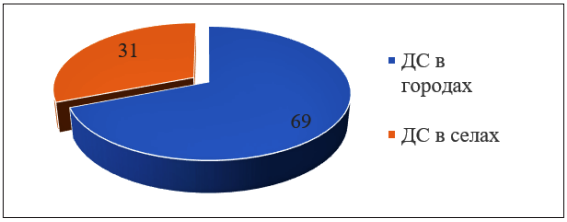


Рис. 3. **Распределение коечного фонда ДС поликлиник в городах и селах (%)**

Особый интерес вызывает анализ нозологической структуры коечного фонда дневных стационаров для взрослого населения, организованных по 19 профилям при больницах и поликлиниках, позволяющий определить их ранговое значение. Анализ показал, что на первом месте в ранговом порядке находятся терапевтические койки, на которые в дневных стационарах больниц приходится 41,6% (345 коек), в дневных стационарах при поликлиниках — 51,5% (335 коек). На втором месте находятся онкологические койки, 17,0% которых (140 коек) развернуты при больницах и 6,1% — при поликлиниках. На третьем месте — гинекологические койки, 14,5% которых (120 коек) расположены в дневных стационарах при больницах и 10,0% — при поликлиниках. На четвертой позиции находятся неврологические койки: при больницах — 3,6%, при поликлиниках — 10,2%. Реабилитационные (9,2%), эндокринологические

(8,5%) и туберкулезные (4,6%) койки функционируют только при поликлиниках (рис. 4). При этом следует указать, что койки дневных стационаров при поликлиниках представлены только по семи профилям.

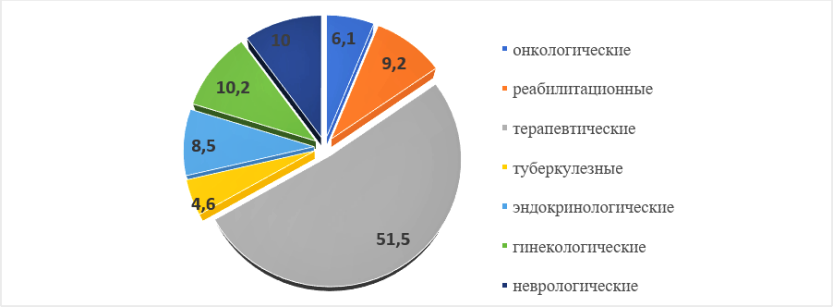


Рис. 4. **Распределение коек по профилям в ДС поликлиник для взрослого населения в Чеченской Республике (%)**

Наряду с данными койками функционируют гематологические, дерматологические, ревматологические, хирургические, нефрологические, кардиологические, туберкулезные, урологические койки, а также койки сосудистой хирургии и патологии беременности и родов. На долю каждого из видов приходится менее 2%. По профилю койки дневных стационаров, организованных при поликлиниках, дублируются с аналогичными койками дневных стационаров при больницах.

Заключение

Чеченская Республика характеризуется высокими темпами развития дневных стационаров для взрослого населения. Однако имеются диспропорции в организации данного направления в городе и на селе. Дневные стационары в республике организованы преимущественно при больницах, тогда как приоритетное внимание органов здравоохранения в последние годы уделяется развитию первичного звена здравоохранения, в том числе дневных стационаров при поликлиниках. Данный подход наиболее распространен и востребован среди населения, что подтверждается большим количеством исследований в стране [3].

Для расширения возможностей оказания специализированной медицинской помощи следует использовать имеющиеся резервы роста коечного фонда дневных стационаров республики, главным образом за счет структурной перестройки.

При планировании коечного фонда дневных стационаров следует учитывать такие важные факторы, как заболеваемость населения, демографическая ситуация, региональные особенности, связанные с инфраструктурой расселения, развитием путей сообщения и др. Реализация данного подхода позволит значительно повысить доступность медицинской помощи для населения республики.

Литература:

1. Калининская, А. А. Стационарзамещающие технологии: состояние и стратегические задачи развития / А. А. Калининская, О. Е. Коновалов, М. Д. Мерекина [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2020. — Т. 28, № 3. — С. 438–443.
2. Калининская, А. А. Профилактическое лечение пациентов в дневных стационарах как резерв здоровьесбережения / А. А. Калининская, С. И. Шляфер, И. Г. Шакуров [и др.] // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. — 2023. — № 2. — С. 5–9.
3. Мельников, Ю. Ю. Показатели работы дневных стационаров в Российской Федерации, федеральных округах и регионах в динамике за 2010–2019 годы / Ю. Ю. Мельников, М. Н. Бантьева // Менеджер здравоохранения. — 2021. — № 6. — С. 11–20.

Принципы рационального питания и диетотерапия в санаторно-курортном лечении города-курорта Кисловодска

Коновалова Виктория Ивановна, студент

Ставропольский государственный медицинский университет, Ессентукский филиал

В статье автор исследует принципы рационального питания и применения диетотерапии в санаторно-курортном лечении, реализуемом в санаториях города-курорта Кисловодска.

Ключевые слова: *питание, диетотерапия, режим, лечение, больной*

Вопросы питания на курорте имеют не последнее значение, так как человек, находящийся на отдыхе, нуждается в максимальном комфорте, начиная от принятия процедур, общения с медперсоналом и заканчивая посе-

щением столовой, ведь человек ест не только для обеспечения себя энергией, но и для удовольствия тоже. Диетическое питание — обязательная и неотъемлемая часть комплексного лечения больных, независимо от заболевания. От того, как питается человек, зависит его настроение, работоспособность, здоровье и продолжительность жизни.

Правильно построенное питание способствует выработке защитной реакции человеческого организма на неблагоприятные воздействия на него условий внешней среды. Особое значение приобретает питание при развитии у человека того или иного заболевания. В этом случае мы говорим о лечебном или диетическом питании. При одних заболеваниях диетотерапия может быть основным методом лечения, при других — тем фоном, на котором медикаментозная терапия будет оказывать более эффективное действие.

Организация лечебного питания — это сложный комплекс мероприятий, позволяющий осуществить на практике один из ведущих методов терапии, а именно — диетотерапию.

Лечебное питание в санатории строится по принципам диетических рационов. Характеристика диет включает в себя следующие элементы: калорийность, химический состав, физические свойства пищи (объем, масса, консистенция, температура), достаточно полный перечень разрешенных и рекомендуемых продуктов, особенности кулинарной обработки пищи, режим питания.

Диетотерапия в условиях санатория требует дифференцированного индивидуального подхода. Обязательно должны быть учтены общие и местные патологические механизмы заболевания, характер обменных нарушений, изменения со стороны органов пищеварения, сердечно-сосудистой и других систем, фаза течения патологического процесса (в санаторных условиях — это обычно фаза неполной или стойкой ремиссии), сопутствующие заболевания, учитывается рост, вес, пол, возраст больного.

При учете вышеназванных данных можно правильно построить диету, которая должна оказывать терапевтическое воздействие как на поврежденный орган, так и на весь организм в целом.

Немаловажную роль в дифференцированном применении лечебного питания в санатории играет тактика его проведения, т. е.:

1. Соответствие калорийности пищевого рациона энерготратам организма больного;

2. Удовлетворение вкусовых привычек больного;

3. Динамичность в назначении лечебного питания с использованием зигзагов, разгрузочных дней;

4. Правильное построение режима питания с учетом специфики санатория и характеристики курортных факторов;

5. Привлечение самого больного и обслуживающего персонала к обеспечению соблюдения принципов диетотерапии.

При исследовании лечебного питания с учетом физиологических потребностей больного, находящегося в условиях санаторного лечения в г.-к. Кисловодске мы пришли к следующим выводам:

— санаторный рацион по калорийности должен быть выше рациона человека, занятого умственным или легким физическим трудом и составляет 3500 ккал (это рассчитано на человека при нормальной массе тела). При этом учитывается, что в условиях санатория имеются дополнительные энерготраты на занятиях лечебной физкультурой, прогулки, ходьбу (по терренкуру), во время приема бальнеопроцедур, при занятиях спортом и т. д. [2]

— Лечебные диеты, применяемые в санатории, должны быть физиологически полноценными, т. е. содержать физиологические нормы белков, жиров, углеводов, витаминов, минеральных веществ. Базовые диеты — 15, 5, 10, 8, 9. Неполноценные диеты — те, которые содержат нефизиологическое количество пищевых ингредиентов, такие как 1а, 1б, 4, 5а. Они назначаются индивидуально, обоснованно (в основном, если есть обострение заболевания с болевым синдромом, с угрозой развития осложнений), по возможности, на короткий срок [1].

— Химический состав рационов и калорийность диет регулируется не только закладкой продуктов в блюда, но и подбором буфетных продуктов (хлеб, масло, сахар), как, например, при составлении диеты № 8, применяемой при ожирении.

— Среди различных факторов питания в санаторной практике особый интерес представляет обеспеченность рационов витаминами, минеральными веществами, веществами высокой биологической активности. Витамины, наряду с ферментами и гормонами, играют важную роль в обменных процессах организма. Обеспечение больного витаминами проводится с помощью введения в рацион питания соков, овощных горок, фруктов, отвара шиповника.

— Чрезвычайно важен вопрос организации режима питания. Особое значение имеет составление режима приема пищи и минеральных вод внутрь, бальнеолечения, дневного сна.

— Определенные часы приема пищи имеют большое значение в отработке условных рефлексов и хорошей работе, в первую очередь, органов пищеварения. Не менее важным фактором является и продолжительность приема пищи,

так как усвоение и переваривание пищи протекает полноценно, если едят неторопливо, хорошо пережевывая пищу. Поэтому в распорядке дня санатория предусмотрено не менее 30 минут на прием пищи.

— Режим питания включает в себя регулярность приема пищи в течение дня, соблюдение физиологически правильных интервалов между ними и распределение суточного рациона. Перерыв между отдельными приемами пищи не должен превышать 5 часов в дневное время и 10–11 часов — в ночное. В санатории установлен, как минимум, 4-разовый прием пищи: завтрак, обед, ужин, легкий ужин [2].

— Одной из предпосылок к переходу на 4-разовый прием пищи в санатории является стремление наиболее благоприятно сочетать режим питания с питьевым лечением. Известно, что минеральная вода наиболее эффективно влияет на пустой желудок.

— Для отдельных групп больных, нуждающихся по медицинским показаниям в более частом приеме пищи, по назначению врача устанавливается 5–6-разовое питание или назначается особый, индивидуальный режим.

— Лечебное питание должно быть не только полезным, но и вкусным, правильно приготовленным, с приятным внешним видом (сотрудники пищеблоков СКК используют для этого сложные гарниры, украшения из овощей, фруктов, зелени), соответствующей сервировкой стола, уютной обстановкой, доброжелательным отношением обслуживающего персонала.

— Существует система предварительных заказов нужной диеты, кроме наиболее строгих (1а, 4, 5а). Для этого в недельном меню в основные приемы пищи включены 3–4 показанных для той или иной диеты блюда [1]. Выборное меню удовлетворяет вкусовые привычки больного, обеспечивает возможность так называемых зигзагов в период ремиссии, ознакомление с допустимыми блюдами кавказской кухни, улучшает настроение и качество жизни отдыхающих.

— В санаториях г. Кисловодска используются все лечебные диеты, предложенные Институтом питания АМН.

Литература:

1. Здоровое питание: роль БАД / В. А. Тутельян, Г. Г. Онищенко, К. Г. Гуревич, А. В. Погожева. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2023. — 480 с. — Текст: электронный // ЭБС «Консультант студента»: [сайт]. — URL: https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970479872.html (дата обращения: 01.06.2026). — Режим доступа: по подписке.

2. Оптимальное питание — основа продолжительной и активной жизни. Сборник статей XIX Международного конгресса диетологов и нутрициологов, посвященного 95-летию ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии». Под ред. академиков РАН В. А. Тутельяна и Д. Б. Никитюка — Москва: ТОРУС ПРЕСС, 2025–822 с.
3. Тутельян, В. А. Нутрициология: полное руководство для практикующих специалистов по питанию / В. А. Тутельян, Д. Б. Никитюк, А. В. Погожева. — Москва: Эксмо, 2025–432 с. — (Настольный медицинский справочник).

Анализ степени информированности гостей ФГБУ «ЦМР «Луч» МЗ РФ по вопросу профилактики бронхиальной астмы и роли в ней медицинской сестры

Хачатрян Лилиа Жирайровна, студент
Научный руководитель: Акульшина Анна Сергеевна, заведующий отделением дополнительного профессионального образования № 2, преподаватель профессиональных модулей высшей категории
Ставропольский государственный медицинский университет, Ессентукский филиал

В статье автор исследует роль медицинской сестры в проведении профилактических мероприятий при бронхиальной астме.

Ключевые слова: *медицинская сестра, профилактика, больной, бронхиальная астма*

Анализ степени информированности гостей Федерального государственного бюджетного учреждения «Центр медицинской реабилитации «Луч» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «ЦМР «Луч» МЗ РФ) по вопросам профилактики и роли в ней медицинской сестры играет большую роль в формировании индивидуальных реабилитационных программ при бронхиальной астме.

Чтобы выявить уровень знаний пациентов по вопросам профилактики бронхиальной астмы, нами было проведено исследование. Исследование проводилось методом анкетирования, в нем приняли участие 12 респондентов — гости ФГБУ «ЦМР «Луч» МЗ РФ.

Больные бронхиальной астмой по-разному переносят свое заболевание, по-разному относятся к процессу оказания им медицинской помощи, и понимание значимости проведения мер профилактики улучшает процесс лечения обострений заболевания, предупреждает прогрессирование болезни и исключает неблагоприятный прогноз бронхиальной астмы [4].

Ответы на ряд вопросов по профилактике бронхиальной астмы представлены ниже.

1. «Источники получения информации по бронхиальной астме?» 38% больных с бронхиальной астмой получают информацию по заболеванию от врача, 31% — используют Интернет, 17% — получают информацию от беседы с медсестрой, и 14% — всегда пользуются разъяснительной информацией, представленной в памятках. Результаты ответов на 1 вопрос представлены в виде диаграммы на рисунке 1.

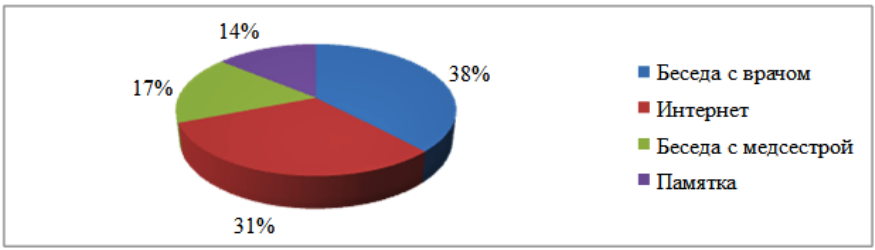


Рис. 1. **Источники получения информации по бронхиальной астме**

Исходя из полученных данных видно, что 31% респондентов всегда пользуются информацией из Интернета, которая может содержать недостоверные сведения о самом заболевании и методах лечения и профилактики его. Поэтому медицинская сестра должна проводить разъяснительную работу по источникам поиска информации о бронхиальной астме именно от медицинских работников, во избежание осложнений заболевания.

2. На второй вопрос: «Известны ли вам факторы, которые, по вашему мнению, в большей степени способствуют обострению?» ответы распределились следующим образом: 7% респондентов ответили, что влияет холодный воздух на обострение, 13% ОРВИ, 20% физические нагрузки, а 60% под воздействием различных аллергенов. Аллергический компонент представлен наиболее частыми аллергенами: домашняя пыль, эпидермальные аллергены животных и птиц, пыльца растений, плесневые грибы. Данные внесены в диаграмму на рисунке 2.

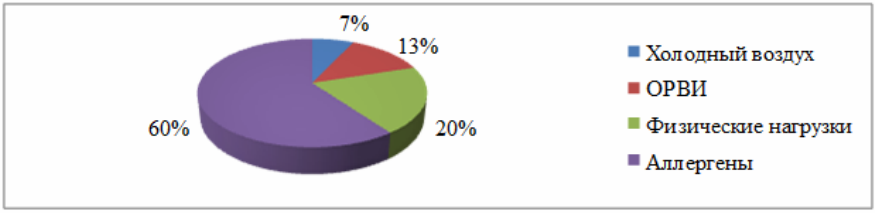


Рис. 2. **Факторы, способствующие возникновению бронхиальной астмы**

С целью исключения действия аллергенов-триггеров на обострения бронхиальной астмы следует создать гипоаллергенный быт, что позволит контролировать заболевание. Положительное влияние на течение бронхиальной астмы оказывает диета с исключением из рациона аллергенных продуктов, специфичных для данного больного [1].

3. На вопрос: «Придерживаетесь ли вы гипоаллергенной диеты?» 8% респондентов ответили, что не придерживаются, а 92% ответили, что придерживаются (рисунок 3).

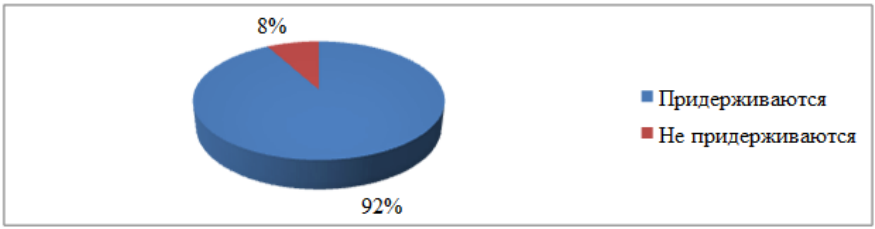


Рис. 3. **Соблюдение гипоаллергенной диеты**

4. Соблюдение гипоаллергенного быта у больного с бронхиальной астмой в целом устраняет контакт с аллергенами, это позволяет максимально предотвратить возникновение приступа бронхиальной астмы [2]. На вопрос: «Соблюдаете ли вы гипоаллергенный быт?» 25% респондентов ответили, что они не соблюдают гипоаллергенный быт, а 75% соблюдают (рисунок 4).

Роль медицинской сестры очень важна в разъяснении важности соблюдения гипоаллергенной диеты, что является важным компонентом у больных с пищевой аллергией. Диетический режим предотвращает развитие обострений бронхиальной астмы.

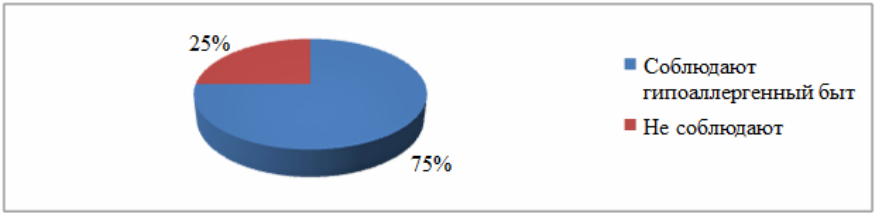


Рис. 4. **Гипоаллергенный быт**

5. Табакокурение является одним из факторов развития бронхиальной астмы у человека. Важно донести до больного, что вдыхание табачного дыма как при активном, так и при пассивном курении приводит к развитию приступа бронхиальной астмы и может привести к формированию астматического статуса [3].

В ответах на вопрос: «Знаете ли вы о негативном влиянии курения на бронхиальную астму?» 25% респондентов показали, что им не известно влиянии курения, 75% ответили, что имеют сведения о негативном и пагубном влиянии табачного дыма на течение своего заболевания.

6. Самоконтроль больного бронхиальной астмы включает измерение показателей максимальной скорости потока выдыхаемого воздуха, который позволяет оценить степень сужения просвета бронхов, а значит уровень контроля астмы и эффективность предпринимаемого лечения [4].

Дневник поможет отслеживать причины возникновения приступа астмы и соблюдать рекомендации врача по лечению. На вопрос: «Ведете ли вы дневник самоконтроля?» 8% респондентов ответили, что не ведут, а 92% ответили, что ведут дневник самоконтроля.

7. Медицинская сестра должна ознакомить респондентов, которым не известно значение проведения пикфлоуметрии и объяснить, что пикфлоуметрия очень важна для пациентов с бронхиальной астмой, именно она позволяет оценить эффективность проводимого лечения.

Пикфлоуметрия является одним из методов диагностики и контроля над течением бронхиальной астмы. На вопрос: «Знаете ли вы значение проведения пикфлоуметрии?» 17% респондентов ответили, что не знают значение проведения пикфлоуметрии, 41% ответили — для оценки тяжести приступа, 42% ответили — для контроля состояния (рисунок 5).

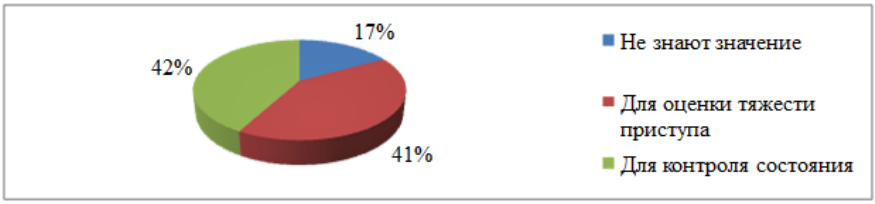


Рис. 5. **Значение проведения пикфлоуметрии**

8. На вопрос: «Как Вы оцениваете свое самочувствие после проведенного лечения в Кисловодске?» 6% респондентов ответили, что самочувствие стало удовлетворительным, 11% стали чувствовать себя хорошо, 39% не чувствуют себя больными, а 44% респондентов ответили, что замечательно, болезнь отступила (рисунок 6).

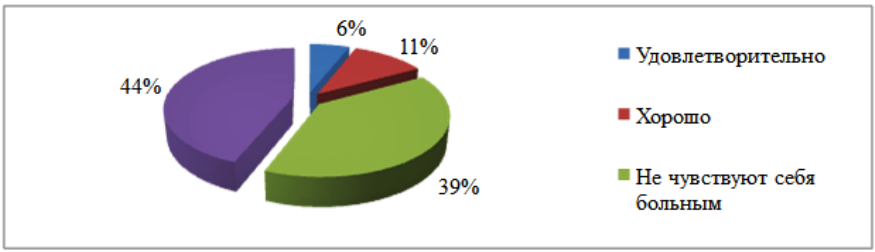


Рис. 6. **Самочувствие, после санаторно-курортного лечения в Кисловодске**

Анализ результатов исследования:

— проведенный анализ исследования позволяет утверждать, что знания пациентов о методах профилактики бронхиальной астмы находится на достаточно высоком уровне.
— Достаточная информированность пациентов о причинах и методах профилактики бронхиальной астмы способствуют контролю за течением заболевания.
— Роль медицинской сестры в профилактической работе с больными бронхиальной астмой включает важные аспекты, которые заключаются в информировании путем индивидуальных бесед, разъяснительной работе, а также распространению буклетов и памяток.

Литература:

1. Белевский, А. С. Рекомендации для врачей по проведению занятий в астма-школе и обучающих индивидуальных бесед с пациентами о бронхиальной астме: руководство / А. С. Белевский, Н. П. Княжеская. — М.: Атмосфера, 2021. — 56 с.
2. Бронхиальная астма: клиническая рекомендация. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2021. — Электронная версия доступна на сайте ЭБС «Консультант студента»: [сайт]. URL: https://www.studentlibrary.ru/book/GLR000120.html (дата обращения: 20.08.2026). — Режим доступа: по подписке. — Текст: электронный
3. Загидуллин Ш. З., Галимова Е. С., Суховская О. А., Ежова Г. Ю. Изучение качества жизни у пациентов с обострением бронхиальной астмы // Journal of Siberian Medical Sciences. 2012. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-kachestva-zhizni-u-patsientov-s-obostreniem-bronhialnoy-astmy (дата обращения: 12.11.2026).
4. Леонтьева Н. М., Демко И. В., Собко Е. А., Ищенко О. П. Уровень контроля бронхиальной астмы и приверженность терапии у пациентов молодого возраста. РМЖ. Медицинское обозрение. 2020;4 (4):180–185.

ГЕОЛОГИЯ

Роль коэффициента Херста при заводнении пластов

Таирова Севиль Акиф, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Научно-исследовательский проектный институт «Нефтегаз» (SOCAR) (г. Баку, Азербайджан)

В процессе разработки нефтяных и газовых месторождений имеет большое научное и практическое значение исследование изменяющихся во времени характеристик пласта и добывающей системы. Для этой цели используются различные методы статистического и фрактального анализа, одним из которых является определение показателя Херста (Hurst).

Ключевые слова: *пласт, закачка, обводненность, показатель, динамика.*

При разработке нефтяных и газовых месторождений коэффициент (показатель) Херста можно применять для оценки долгосрочной зависимости и устойчивости во временных рядах добычи, закачки, водонагнетания, пластового давления и других показателей. В сценариях закачки этот подход представляет особый интерес, поскольку позволяет исследовать долгосрочные взаимосвязи между динамикой добычи и изменениями объемов закачиваемой воды и степени насыщения пласта водой [1, с. 29].

Показатель Херста — это статистическая величина, характеризующая долгосрочную зависимость временного ряда. В общем случае:

- $H \approx 0{,}5$ — слабая долгосрочная зависимость в процессе, когда поведение близко к случайному;
- $H > 0{,}5$ — персистенция, т. е. тенденция к тому, что текущее направление изменения в определенной степени сохраняется;
- $H < 0{,}5$ — антиперсистенция, т. е. тенденция к тому, что последовательные изменения происходят в противоположных направлениях.

В условиях заводнения применение показателя Херста к временным рядам, таким как уровень добычи, объем закачиваемой воды и степень обводнения,

может помочь определить статистические характеристики динамики разработки пласта [2, с. 771].

В связи с этим применение показателя Херста целесообразно при анализе следующих показателей:

— годовая добыча нефти;
— динамика объема закачки;
— изменения обводненности;
— изменения пластового давления;
— изменение дебита отдельных скважин во времени.

Важно отметить, что значение показателя Херста не следует непосредственно рассматривать как меру геологической неоднородности пласта. Его взаимосвязь с геологическими и технологическими показателями необходимо исследовать отдельно.

Изменение показателя Херста в процессе заводнения можно использовать для определения характеристик динамики добычи и обводненности [3, с. 430].

Когда H > 0,5, временной ряд демонстрирует персистенцию, которая характеризуется продолжением существующей тенденции в течение определенного периода. Такое поведение можно наблюдать в долгосрочной динамике процессов закачки и добычи на нефтяных месторождениях.

Когда H < 0,5, временной ряд имеет более изменчивый и антиперсистирующий характер. Взаимосвязь такого поведения с режимом закачки, обводненности и динамикой добычи необходимо исследовать отдельно.

По этой причине основные области применения показателя Херста в процессе закачки можно сгруппировать следующим образом:

1) оценка долгосрочной зависимости динамики добычи;
2) сравнительный анализ показателей закачки и добычи;
3) определение статистических характеристик динамики обводнения;
4) сравнение различных этапов разработки пласта;
5) исследование взаимосвязей между показателем Херста и геолого-технологическими показателями.

Такой подход позволяет рассматривать показатель Херста не просто как статистическую величину, а как показатель, используемый при сравнительном анализе различных этапов процесса разработки пласта [4, с. 325].

Одним из традиционных подходов является R/S-анализ (анализ нормированного размаха, англ. Rescaled Range Analysis).

Основные этапы для заданного временного ряда:

1) вычисление среднего значения;

2) определение отклонений от среднего значения;
3) вычисление кумулятивных отклонений;
4) определение диапазона R;
5) вычисление стандартного отклонения S;
6) определение отношения R/S;
7) установление зависимости между log (R/S) и log (n);
8) определение показателя Херста на основе линейной регрессии.

В общем виде:

$$\frac{R}{S} \sim n^H$$

или в логарифмическом виде:

$$\log (R/S) = H\log (n) + C.$$

Здесь H соответствует наклону линии регрессии [5, с. 300].

Однако для рядов данных о производстве с долгосрочной тенденцией метод R/S может искусственно указывать на высокий показатель Херста. Поэтому результаты, полученные на основе необработанных рядов данных о производстве, следует интерпретировать с осторожностью [6, с. 195; 7, с. 1440; 8, с. 1450].

Данные о долгосрочной добыче на месторождении Нефт Дашлары (Нефтяные Камни) были использованы для изучения применимости показателя Херста в условиях заводнения [9, с. 241]. Применяемые данные охватывают период с 1949 года по 2024 год. Исходные данные показывают, что в 1960-х годах добыча нефти выросла примерно до 6,3–10,5 млн тонн, после чего в последующие периоды наблюдалось ее длительное снижение. В последние годы также наблюдались изменения показателей обводнения; соответствующие значения за 2022–2024 гг. составили 34,5%, 32,6% и 36,6%.

Для целого ряда извлечения данных о добыче за 1956–2024 гг. первоначальный расчет коэффициента R/S дал следующий результат:

$$H \approx 0{,}98.$$

Этот результат указывает на то, что серия данных о добыче обладает очень сильной характеристикой персистентности. Однако близость значения H к 1 также указывает на то, что влияние долгосрочной тенденции добычи в данном случае является значительным. Поэтому значение H ≈ 0,98 не следует рассматривать как прямой показатель геологических характеристик пласта.

Предварительные результаты для различных периодов представлены в таблице 1. Эти результаты показывают, что статистический характер последова-

тельности добычи не был одинаковым на разных этапах разработки месторождения. В частности, наблюдение значений H > 1 для периодов 1956–1969 и 1970–1986 гг. не согласуется с классическим интервалом Херста, что требует учета сильного трендового эффекта. Что касается периода 1987–1995 гг., то ограниченная продолжительность ряда данных (всего 9 лет) снижает статистическую достоверность результата.

Данный подход может позволить снизить влияние долгосрочной тенденции на ряды добычи и провести более точное сравнение результатов по различным месторождениям.

Таблица 1. **Коэффициент Херста для различных периодов**

Период, гг.	**Продолжительность, лет**	**Коэффициент Херста, начальная оценка R/S**	**Характеристика**
1956–1969	14	≈ 1,28	Сильная тенденция; выходит за пределы классического интервала
1970–1986	17	≈ 1,02	Сильная долгосрочная тенденция / устойчивость
1987–1995	9	≈ 0,27	Результат имеет ограниченную достоверность из-за короткой временной серии
1996–2024	29	≈ 0,82	Сильная персистенция
1956–2024	69	≈ 0,98	Очень сильная персистенция; возможен эффект тренда

Таким образом, предварительное исследование, проведенное на месторождении Нефт Дашлары, можно считать пилотным этапом разработки стандартизированной методологии, которая впоследствии может быть применена к другим месторождениям, подвергающимся заводнению.

Заключение

Коэффициент Херста — важный статистический показатель в процессе заводнения:

— для оценки неоднородности пласта;
— для определения характера движения фронта воды;
— для прогнозирования риска преждевременного насыщения водой;
— для оптимизации режима заводнения;
— для косвенной оценки коэффициентов извлечения нефти и вытеснения.

Литература:

1. Калуш, Ю.А. Показатель Херста и его скрытые свойства / Ю.А. Калуш, В.М. Логинов // Сибирский журнал индустриальной математики. — 2002. —Т. 5, № 4 (12). — С. 29–37.
2. Hurst, H.E. Long-Term Storage Capacity of Reservoirs / H.E. Hurst // Transactions of the American Society of Civil Engineers. — 1951. — Vol. 116, № 1. — С. 770–799.
3. Feller, W. The Asymptotic Distribution of the Range of Sums of Independent Random Variables / W. Feller // The Annals of Mathematical Statistics. — 1951. — Vol. 22, № 3. — С. 427–432.
4. Mandelbrot, B.B. Some Long-Run Properties of Geophysical Records / B.B. Mandelbrot, J.R. Wallis // Water Resources Research. — 1969. — Vol. 5, №. 2. — С. 321–340.
5. Кашьяп, Р.Л. Построение динамических стохастических моделей по экспериментальным данным / Р.Л. Кашьяп, А.Р. Рао. — М.: Наука, 1983. — 383 с.
6. Федер, Е. Фракталы / Е. Федер. — М.: Мир, 1991. — 260 с.
7. Андреев, С.Д. Временная и пространственная изменчивость полей оптических и аэрозольных характеристик в атмосфере. Часть I. Оптические характеристики атмосферы / С.Д. Андреев, Л.С. Ивлев // Оптика атмосферы и океана. — 1997. — Т. 10, № 12. — С. 1440–1449.
8. Андреев, С.Д. Временная и пространственная изменчивость полей оптических и аэрозольных характеристик в атмосфере. Часть II. Аэрозольные характеристики / С.Д. Андреев, Л.С. Ивлев // Оптика атмосферы и океана. — 1997. — Т. 10, № 12. — С. 1450–1455.
9. Tahirova, S. A. «Neft daşları» yatağı üzrə işlənmənin səmərəliliyinin artırılması / S.A. Tahirova // «Xoşbəxt Yusifzadə qiraətləri» adlı beynəlxalq elmi konfrans, 4–5 Dekabr 2024. — 2024. — С. 241–242.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Правовое обеспечение безопасности при модернизации горнообогатительных комбинатов

Майоренко Данила Иванович, студент
Научный руководитель: Фастова Марина Андреевна, кандидат юридических наук, доцент
Академия управления и производства (г. Москва)

Введение

Модернизация горнообогатительных комбинатов (далее — ГОК) представляет собой обновление производственного комплекса, выполняемое, как правило, в условиях продолжающейся эксплуатации объекта. Такие проекты включают демонтаж действующих установок, монтаж нового оборудования, переустройство инженерных систем и проведение пусконаладочных испытаний и выполняются рядом с действующим оборудованием, транспортными маршрутами и инженерными коммуникациями. Подрядные работы при этом ведут несколько юридически самостоятельных организаций, каждая из которых является работодателем для своих работников и несёт самостоятельные обязанности по охране труда.

Актуальность темы обусловлена не только сложностью подобных проектов, но и высокой аварийностью и травматизмом в строительной и горнодобывающей отраслях. По данным Федеральной службы по труду и занятости, в 2024 году в Российской Федерации зарегистрировано 5974 несчастных случая на производстве с тяжёлыми последствиями, при этом погибли 1679 человек; групповыми несчастными случаями признаны 474 происшествия, из них 324 — со смертельным исходом. В структуре тяжёлых несчастных случаев лидирующее место занимают падения с высоты: на них приходится порядка 22–24% тяжело травмированных в 2024 году, а по данным за 2025 год — около 33%; примерно каждый пятый смертельный случай связан с падением при разности уровней высот и на глубину. Отрасль добычи полезных ископаемых ста-

бильно входит в число наиболее травмоопасных: в 2024 году в ней зарегистрировано 362 несчастных случая с тяжёлыми последствиями (около 7% от общего числа), при этом более половины работников отрасли (53,7%) заняты во вредных и (или) опасных условиях труда.

Особое значение для проектов модернизации ГОКов имеет высотность производственных зданий. Монтаж и демонтаж технологического оборудования ведутся на ярусах главного корпуса обогатительной фабрики, отметки которых достигают 10–40 м и более, на конвейерных галереях, эстакадах, дробильных и сушильных корпусах. Работы на высоте в таких условиях относятся к числу наиболее травмоопасных видов строительных работ, а их правовой режим определяется Правилами по охране труда при работе на высоте, утверждёнными приказом Минтруда России от 16 ноября 2020 г. № 782н. Цель доклада — показать особенности правового обеспечения безопасности работ при модернизации ГОКов с учётом данных о производственном травматизме и высотных рисках, а также обозначить основные направления договорного регулирования взаимодействия участников проекта.

Основная часть

Особенности правового регулирования

Термин «модернизация» используется как обобщающее хозяйственное обозначение обновления производственного комплекса; юридическая квалификация конкретных мероприятий определяется их фактическим содержанием: они могут относиться к реконструкции, капитальному ремонту, техническому перевооружению, монтажу и замене оборудования, пусконаладочным работам. Данное разграничение имеет значение для определения предмета договора, объёма проектной документации, порядка приёмки и применимых требований безопасности.

Межотраслевой характер взаимодействия проявляется в совокупности правовых режимов: гражданское законодательство определяет обязательственные связи участников (строительный подряд — статьи 740–757 Гражданского кодекса Российской Федерации); трудовое — устанавливает обязанности работодателей по охране труда (специальная оценка условий труда, медицинские осмотры, средства индивидуальной и коллективной защиты, обучение по охране труда); градостроительное — закрепляет требования к строительству, реконструкции и капитальному ремонту; законодательство о промышленной безопасности применяется к опасным производственным объектам (шахты, рудники, карьеры, обогатительные фабрики); санитарно-эпидемиологическое регулирование определяет допустимые уровни воздействия вред-

ных факторов производственной среды. Принцип единства и дифференциации в трудовом праве формирует дифференцированный объём обязанностей работодателя в зависимости от способа добычи полезных ископаемых, класса условий труда, природно-климатических условий и организации работ вахтовым методом.

Производственный травматизм и высотные риски

Статистика производственного травматизма подтверждает приоритетное значение работ на высоте для проектов модернизации ГОКов. Причины производственного травматизма в основном носят организационный характер: по данным Роструда, на организационные причины приходится около 48% всех несчастных случаев, при этом более 60% из них связаны с недостатками контроля за ходом работ. Иными словами, значительная часть травм обусловлена не техническими факторами, а дефектами организации и координации работ, что придаёт правовым механизмам распределения обязанностей непосредственное превентивное значение.

Высотные риски при модернизации ГОКов имеют специфический профиль. Работы ведутся одновременно на нескольких отметках: монтаж оборудования на ярусах главного корпуса, прокладка и замена конвейерных линий в галереях, демонтаж установок с применением грузоподъёмных механизмов. Типичными опасными событиями являются падение работника с высоты, падение предметов на работников ниже расположенных ярусов, падение груза при подъёмных операциях. Правила № 782н требуют для таких работ системы нарядов-допусков, назначения ответственных руководителей и исполнителей, применения ограждений, страховочных систем и средств защиты от падения с высоты, а также запрета работ без соответствующего оформления в случаях, установленных нормативным актом.

Эмпирические данные контрольно-надзорной практики подтверждают этот профиль рисков. По материалам сводного реестра выявленных нарушений в области промышленной безопасности и охраны труда крупного инвестиционно-строительного проекта минерально-сырьевого комплекса за апрель — октябрь 2025 года выявлено 1999 нарушений, из которых устранено 98,2%; 85,2% нарушений отнесены к опасным условиям и 14,6% — к опасным действиям. Наиболее распространёнными категориями являются нарушения требований охраны труда (724 случая, или 36,2%), транспортной безопасности (515 случаев, или 25,8%), промышленной безопасности (243 случая, или 12,2%), пожарной безопасности (235 случаев) и электробезопасности (229 случаев). Непосредственно к работам на высоте относятся 55 выявленных на-

рушений Правил по охране труда при работе на высоте (повреждённые страховочные привязи, несоответствие фактического крепления схеме наряда-допуска, работы по одной вертикали без защитных настилов) и 54 случая отсутствия ограждения проёмов и рабочих площадок. Динамика выявляемости нарушений (от 158 в апреле до 553 в сентябре 2025 года) отражает рост объёмов строительно-монтажных работ и подтверждает, что интенсивность контроля должна возрастать соразмерно объёму высотных операций.

Распределение обязанностей между участниками

Ключевая проблема — неопределённость на границах исполнения. Акт передачи участка фиксирует состояние объекта лишь на определённый момент, но не подтверждает его на весь период выполнения работ, поскольку строительная территория непрерывно меняется. Обязанности по медицинским осмотрам работников подрядчика принадлежат подрядчику как работодателю, однако допуск на объект может быть обусловлен требованиями эксплуатирующей организации, не являющейся стороной договора подряда. Совмещённые работы — одновременное выполнение операций несколькими организациями в пересекающихся зонах — требуют координации, которая не возникает автоматически. Обеспечение средствами коллективной защиты (вентиляция, ограждение зон работ и проёмов, защитные настилы и улавливающие устройства на высотных отметках) затрагивает нескольких исполнителей одновременно и требует договорного определения того, кто создаёт, содержит и обслуживает такие средства.

Административные и трудоправовые риски

Административная ответственность за нарушение государственных нормативных требований охраны труда установлена статьёй 5.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: штрафы на юридических лиц составляют от 50 до 150 тыс. рублей за нарушение требований охраны труда, от 110 до 150 тыс. рублей за необеспечение работников средствами индивидуальной защиты (часть 4), а за нарушение порядка проведения работ повышенной опасности — до 150 тыс. рублей; повторное нарушение ряда составов влечёт административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток. Нарушение требований промышленной безопасности (статья 9.1 КоАП РФ) влечёт штрафы до 200–300 тыс. рублей, а за грубое нарушение — до 600–700 тыс. рублей либо административное приостановление деятельности на срок до шестидесяти суток.

Трудоправовые последствия нарушений не менее существенны. Работодатель обязан отстранить от работы работника, не прошедшего обучение по охране

труда, медицинский осмотр либо появившегося на работе в состоянии опьянения (статья 76 Трудового кодекса Российской Федерации). Причинение вреда жизни и здоровью работника влечёт материальную ответственность работодателя (статьи 235, 237 ТК РФ) и возмещение вреда по нормам гражданского законодательства (статьи 1064–1101 ГК РФ), включая компенсацию морального вреда. Невыполнение обязанностей по охране труда, повлекшее тяжкие последствия, образует составы преступлений, предусмотренных статьями 143 и 216 Уголовного кодекса Российской Федерации. Приостановление деятельности одного из подрядчиков способно парализовать исполнение смежных обязательств и повлечь цепную реакцию задержек: договор должен определять порядок реагирования на административные ограничения, распределение вызванных ими расходов и основания изменения сроков исполнения.

Механизмы координации

Для устранения неопределённости предлагается система договорных документов: матрица обязанностей участников, фиксирующая для каждого межорганизационного мероприятия ответственного исполнителя и предпосылки исполнения; реестр межорганизационных ограничений действующего производства; система уведомлений о препятствиях к безопасному выполнению работ; координационные точки готовности и листы подтверждения готовности смежных систем. Применительно к высотным работам матрица обязанностей должна закреплять, кто ограждает проёмы и проходы на каждом ярусе, кто обеспечивает и проверяет исправность страховочных систем, кто разрешает совмещение работ по одной вертикали, кто отвечает за ограничение зон падения груза при монтаже. Совокупность данных документов образует договорное приложение о распределении обязанностей и порядке взаимодействия участников проекта, которое может включать и параметры финансового обеспечения рисков: страхование, неустойку, возмещение потерь.

Заключение

Необходима комплексная система правового обеспечения безопасности работ при модернизации ГОКов, объединяющая межотраслевое регулирование, договорную конкретизацию обязанностей участников и механизмы координации. Статистика производственного травматизма — лидерство падений с высоты в структуре тяжёлых несчастных случаев и преобладание организационных причин — подтверждает, что наибольший превентивный эффект дают правовые средства организации и контроля работ: система нарядов-допусков, матрица обязанностей, реестр ограничений и порядок уведомлений о препятствиях. Договорные средства не заменяют императивных требований законода-

тельства, но позволяют устранить неопределённость на границах исполнения, распределить расходы на обеспечение безопасности и предупредить возникновение опасных ситуаций на стыках деятельности нескольких исполнителей.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
5. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов».
6. Приказ Минтруда России от 16.11.2020 № 782н «Об утверждении Правил по охране труда при работе на высоте».
7. Доклад о результатах деятельности Роструда и о перспективах её развития за 2024 год. М.: Роструд, 2025.
8. Информация о работе Технического комитета по стандартизации за 2024 год (данные о производственном травматизме в Российской Федерации). М.: ФНПР, 2025.
9. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. М.: Статут, 2002.
10. Христофоров Н. Р. Особенности правового регулирования охраны труда в горнодобывающей отрасли: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025.

Проблемы и перспективы развития институтов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних в РФ

Романченко Татьяна Владимировна, студент магистратуры
Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

Данная статья направлена на анализ современного состояния институтов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан Российской Федерации, а также на выявление основных проблем и определение перспективных направлений для оптимизации функционирования данного института.

Регулирование института опеки и попечительства носит комплексный, межотраслевой характер, затрагивая нормы гражданского, семейного и административного права. Ключевыми нормативно-правовыми актами, определяющими его правовую основу, выступают Гражданский кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, а также Федеральный закон от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве».

Анализ последних лет показывает устойчивую тенденцию к сокращению контингента детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. По данным Минпросвещения России, к концу 2025 года их насчитывалось 317 052 человека, что на 6,8% меньше, чем годом ранее (2024 год — 340 055, 2023 год — 358 006). Более 90% таких детей воспитываются в семьях: 287 886 человек — на семейных формах устройства, 26 406 — под надзором в организациях, ещё у 2 760 исполнение обязанностей опекуна возложено на органы опеки. Наиболее распространённой формой устройства традиционно остаётся опека и попечительство [1].

Однако исследование показывает, что ситуация не является одинаковой во всех случаях: за 12 лет число детей, нуждающихся в устройстве в семью, сократилось почти вчетверо (со 108 тыс. в 2013 году до 29 тыс. в 2025-м), однако доля детей, нашедших семью в течение года, практически не растёт (76,9% в 2025 году против 75,3% в 2014-м), а доля возвратов уже устроенных детей в органы опеки увеличивается — с 6,1% в 2013 году до 7,6% в 2025-м. В 2025 году было выявлено 35 тыс. детей без попечения родителей; усыновлены 1 999 детей, родительских прав лишены 17 тыс. человек [2].

Рассмотрим правовые проблемы развития института:

Исследование судебной практики свидетельствует о проблемах в нормативном регулировании требований к кандидатам в опекуны, характеризующихся

недостаточной степенью детализации. Деятельность органов опеки зачастую демонстрирует признаки формализма и оперативной поспешности, что проявляется в случаях, как необоснованного прекращения опеки, так и в принятии решений об отстранении без проведения комплексной оценки психологического состояния ребёнка и анализа его привязанности. Дискуссионным остаётся и основополагающий принцип приоритетного назначения близких родственников в качестве опекунов, поскольку кровное родство не является достаточным условием для обеспечения успешного воспитательного процесса [3].

Существуют пробелы в системе надзора за деятельностью опекунов. Действующее законодательство не обязывает опекунов и попечителей предоставлять регулярные отчеты о своей деятельности органам опеки. В свою очередь, эти органы лишены полномочий применять административные санкции к нарушителям. Их единственные доступные меры — это отстранение опекуна от исполнения обязанностей и инициирование судебного процесса для взыскания причиненного ущерба. Процесс лишения опекунских полномочий является длительным и неэффективным, а комплексная система мониторинга благополучия подопечных отсутствует.

Институт опеки и попечительства сталкивается не только с правовыми проблема, но и также с организационными проблемами: нехватка сотрудников и ограниченные ресурсы. На каждого специалиста приходится слишком большая нагрузка, включающая поиск детей, подбор приемных родителей и последующий контроль. К концу 2025 года в стране функционировало 2 253 органа опеки, но штат из 11 721 специалиста сокращается уже пятый год. Особенно остро ощущается дефицит квалифицированных кадров в сельской местности, а также проблемы с координацией между ведомствами и отсутствием единой базы данных детей, нуждающихся в защите [4].

Система опеки и попечительства является основополагающим инструментом обеспечения прав и законных интересов лиц, лишенных возможности самостоятельно осуществлять свои правомочия, в частности, несовершеннолетних, оказавшихся без надзора и заботы родителей, но на сегодняшний день проблема правоприменения и защиты подопечных остается открытой.

Реализация права на оформление опеки на практике сопряжена со значительными трудностями для граждан. Процесс назначения опекуна часто носит формальный характер, а обязан нести официальный характер. К примеру: по правилам, заключение органов опеки о пригодности кандидата в опекуны должно быть детально обосновано. На деле же часто встречаются общие формулировки, не объясняющие конкретные причины отказа. Это мешает буду-

щим опекунам понять, что нужно исправить, и может вызвать недоверие и необоснованные задержки в процессе.

На региональном уровне отмечается слабый контроль за работой органов опеки, пренебрежение установленными стандартами и неудовлетворительное содержание детей в государственных учреждениях.

Особую обеспокоенность вызывает проблема неправомерного распоряжения имуществом подопечных, вплоть до продажи их жилья с согласия органов опеки, при этом механизмы привлечения виновных к ответственности остаются неэффективными [5].

Перспективы развития опеки и попечительства в России связаны с решением комплекса взаимосвязанных задач:

Необходимо провести комплексную ревизию и унификацию правовых норм, направленную на устранение противоречий между Семейным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом № 48-ФЗ. Это включает в себя точное определение сферы действия закона об опеке, а также детальную разработку критериев отбора и процедур контроля за деятельностью опекунов [6];

Повышение уровня надзора и ответственности. Формирование общей платформы для отслеживания состояния благополучия воспитанников, а также упрощение и ускорение процесса отстранения ненадлежащих опекунов, внедрение механизма быстрого обжалования решений опекунских советов в вышестоящие инстанции;

Укрепление кадрового потенциала и материально-технической базы служб опеки. Рост бюджетных ассигнований, ликвидация нехватки квалифицированных сотрудников, налаживание совместной работы с учебными заведениями, больницами и полицией, создание централизованной информационной системы;

Укрепление гарантий защиты имущественных интересов подопечных, включая возможное изменение правил, регулирующих ответственность опекунских учреждений за операции с имуществом малолетних граждан.

В России наблюдаются благоприятные тенденции в работе институтов попечительства: уменьшилась численность детей, оставшихся без родительского ухода, а также увеличилась доля семейных вариантов устройства. Тем не менее, сохраняются и качественные трудности: противоречия в законодательстве, недостаточный контроль над действиями опекунов, нехватка персонала и ресурсов в органах опеки, а также проблема «вторичного сиротства». Чтобы справиться с этой проблемой, следует применять интегрированную стратегию, которая предусматривает совершенствование законодательства, усиление ка-

дрового потенциала служб опеки и переход от бюрократического надзора к реальной помощи семьям и предотвращению детского сиротства.

Литература:

1. Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. — Текст: электронный // Минпросвещения России: [сайт]. — URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans (дата обращения: 08.11.2026).
2. В России стало меньше детей без семьи и лишений родительских прав. — Текст: электронный // Радио РБК: [сайт]. — URL: https://www.rbc.ru/society/28/10/2026/6a85f9b49a79475c6c2fedcf (дата обращения: 10.11.2026).
3. Аглиуллина, А. Р. Правовое регулирование опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми: новые правила и старые проблемы / А. Р. Аглиуллина. — Текст: электронный // Интернет-конференции Сибирского юридического института: [сайт]. — URL: https://conf.siblu.ru/pravovoe-regulirovanie-opeki-i-popechitelstva-nad-nesovershennoletnimi-detmi-novye-pravila-i-staryе (дата обращения: 11.11.2026).
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1217-р Об утверждении Концепции совершенствования деятельности органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан. — Текст: электронный // ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411927094/ (дата обращения: 11.11.2026).
5. Егорова, Ю. В. Опека и попечительство над несовершеннолетними детьми: актуальные проблемы правового регулирования / Ю. В. Егорова. — Текст: непосредственный // Столыпинский вестник. — 2024. — №№ 5. — С. 1842–1858 (дата обращения: 12.11.2026).
6. Чурсина, А. С. Некоторые проблемы правового регулирования опеки (попечительства) над несовершеннолетними в Российской Федерации / А. С. Чурсина. — Текст: непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. — 2017. — №№ 3 (20). — С. 379–381 (дата обращения: 12.11.2026).

Наследование права администрирования доменным именем: конкурирующие подходы судебной практики и пути их унификации

Торнопол Елизавета Романовна, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В статье исследуются проблемы наследования права администрирования доменного имени. Цель исследования — систематизация конкурирующих подходов судебной практики к определению наследуемости доменного имени и формулирование предложений по восполнению пробела правового регулирования. Материалом исследования послужили 10 судебных актов 2011–2024 гг. Установлено, что суды общей юрисдикции и арбитражные суды придерживаются противоположных подходов: доменное имя квалифицируется либо как имущественное право, входящее в состав наследства, либо как объект, не подлежащий наследованию. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства. Результаты исследования могут быть использованы в правотворческой деятельности, нотариальной практике и при формировании позиции сторон в спорах о доменных именах.

Ключевые слова: *доменное имя, право администрирования, наследование, цифровое наследие, ст. 1112 ГК РФ, судебная практика, правовой пробел.*

Inheritance of the right to administer a domain name: competing approaches in court practice and ways to unify them

Tornopol Elizaveta Romanovna, master's degree student
State University of Education (Moscow)

The article examines the problems of inheritance of the right to administer a domain name. The purpose of the study is to systematize the competing approaches of court practice to determining the heritability of a domain name and to formulate proposals for eliminating the gap in legal regulation. The research material includes 10 judicial acts of 2011–2024. It is established that courts of general jurisdiction and commercial (arbitrazh) courts adhere to opposing approaches: a domain name is qualified either as a property right forming part of the inheritance estate or as an object not subject to inheritance. Proposals for improving legislation are formulated. The research results may be used in law-making activities, notarial practice, and in forming the position of parties in domain name disputes.

Keywords: *domain name, administration right, inheritance, digital legacy, Article 1112 of the Civil Code, court practice, legal gap.*

Доменные имена, как и иные цифровые активы, все чаще становятся объектом наследственных правоотношений, однако правовое регулирование их перехода к наследникам не отличается единством. Согласно ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности [1]. Доменное имя в этом перечне не названо, а его правовая природа остается предметом дискуссии: в доктрине предлагается рассматривать его как обязательство из договора оказания услуг, как средство индивидуализации либо как имущественное право [2]. При этом доменные имена обладают существенной рыночной стоимостью: по оценкам аналитиков, объем мирового рынка доменных имен вырастет с 2,4 млрд долл. США до 3,41 млрд долл. США к 2032 г. при ежегодном росте в 4,5% [2].

Актуальность исследования обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, специального регулирования наследования права администрирования не существует, вследствие чего переход доменных имен умерших администраторов к наследникам осуществляется вне единого механизма. Во-вторых, судебная практика по данной категории дел противоречива: суды общей юрисдикции и арбитражные суды придерживаются противоположных подходов, и раскол не устранен на уровне кассационных судов. Особую значимость вопрос приобретает в связи с централизацией системы регистрации доменных имен: с 1 сентября 2026 г. регистрацию доменных имен в национальной доменной зоне будут осуществлять только российские юридические лица, включенные в перечни регистраторов [4], однако правовое регулирование судьбы доменных имен умерших администраторов этим законом не затронуто.

Степень научной разработанности темы следует оценить как недостаточную: проблематика наследования цифровых активов активно разрабатывается в доктрине [6; 7], однако наследование доменных имен рассматривается в этих работах преимущественно как частный случай более широкой проблематики цифровых активов.

Цель исследования — выявление пробелов правового регулирования наследования права администрирования доменным именем и систематизация конкурирующих подходов судебной практики. Задачи исследования: (1) определить доктринальные и нормативные позиции о правовой природе доменного

имени; (2) проанализировать судебные акты 2011–2024 гг.; (3) систематизировать применяемые судами подходы; (4) сформулировать предложения по совершенствованию законодательства. Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также метод анализа судебной практики.

Доменное имя определено в п. 15 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» [3]. Правила регистрации доменных имен в доменах. RU и. РФ определяют регистрацию как внесение в реестр сведений о доменном имени и его администраторе; между администратором и регистратором заключается договор об оказании услуг регистрации [9]. Верховный Суд РФ разъяснил, что доменные имена не отнесены к числу результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, охраняемых частью четвертой ГК РФ, а права на них подлежат защите на основании общих положений ГК РФ о способах защиты гражданских прав (п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10) [8]. Показательно, что фискальное законодательство исходит из имущественного характера соответствующих прав: доход от продажи доменного имени квалифицируется как доход от реализации имущественных прав [10]. Таким образом, нормативная база не дает прямого ответа на вопрос о наследуемости доменного имени, и этот ответ вынуждена давать судебная практика.

В судебной практике сложились два конкурирующих подхода.

Первый подход исходит из того, что доменное имя не является имуществом или имущественным правом и, следовательно, не входит в состав наследства. Его хронологически открыло решение Мытищинского городского суда Московской области от 30.11.2011 по делу № 2–4006/11: наследники предпринимателя, владевшего пятью доменными именами и двумя обществами, вели деятельность через интернет-магазины и требовали раздела доменов; суд отказал, указав, что «само по себе доменное имя является лишь способом адресации в сети Интернет и никак не может быть признано имуществом или имущественным правом, подлежащим наследованию» [11]. Позднее этот подход поддержал Сергиево-Посадский городской суд Московской области, который 12.04.2018 по делу № 2–1670/2018 прекратил производство по иску о передаче доменного имени в связи со смертью ответчика, исходя из того, что обязательства по регистрации прекратились в силу ст. 418 ГК РФ [12].

Наиболее полное развитие подход получил в споре наследников С.Л. Сладкова о доменном имени jbl.ru. Хорошевский районный суд г. Москвы

решением от 08.11.2019 по делу № 2–3882/2019 отказал наследнице в признании права на доменное имя и обязании осуществить перерегистрацию, исходя из того, что предметом договора с регистратором являются услуги, которые не входят в состав наследства; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 02.03.2020 по делу № 33–9821/2020 оставило решение без изменения, отвергнув и альтернативные варианты квалификации спорного права [13]. Судьба доменного имени jbl.ru показательна. Регистрация ежегодно продлевалась за счет средств, заранее внесенных на счет регистратора; после смерти администратора продлевать регистрацию стало некому: когда внесенные средства закончились, регистрация была аннулирована 27.12.2018, и в тот же день доменное имя было зарегистрировано на нового администратора. Дальнейший спор разрешался уже не в рамках наследственного дела: правообладатель товарного знака JBL предъявил к новому администратору иск о прекращении использования товарного знака в доменном имени и передаче доменного имени правообладателю. Арбитражный суд г. Москвы решением от 16.12.2019 по делу № А40–114858/19 иск удовлетворил; Девятый арбитражный апелляционный суд постановлением от 03.02.2020 № 09АП-81569/19 оставил решение в силе, отклонив в том числе доводы наследницы [14; 15]. Таким образом, доменное имя, признанное судами общей юрисдикции ненаследуемым, из наследственной массы исчезло, но при этом осталось предметом имущественных притязаний третьего лица — правообладателя товарного знака.

Второй подход рассматривает право администрирования доменным именем как имущественное право, входящее в состав наследства. Его единичные подтверждения относятся еще к 2019 г.: определением судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.11.2019 по делу № 88–210/2019 три доменных имени были разделены между наследниками [16]. Переломным стало дело о более чем тридцати доменных именах, зарегистрированных умершим С. К. Другалевым через АО «Региональный Сетевой Информационный Центр»: нотариус отказал наследнику К. Е. Хазану в выдаче свидетельства о праве на наследство, сославшись на «спор о праве» и отсутствие нормативного определения правового статуса таких объектов. Решением Хорошевского районного суда г. Москвы от 17.05.2022 по делу № 2–3838/2022 в иске было отказано, однако апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28.09.2022 по делу № 33–38299/22 решение отменило и обязало регистратора внести изменения в реестр доменных имен и зарегистрировать доменные имена на имя наслед-

ника [17; 18]. Определением судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2023 по делу № 8Г-1885/2023 (88–7164/2023) состоявшиеся судебные акты оставлены в силе: право администрирования доменным именем признано имущественным правом, обладающим денежной стоимостью, подлежащим включению в состав наследства; суд подчеркнул, что регистратор лишь поддерживает актуальность сведений в реестре, тогда как право администрирования принадлежит администратору и реализуется им без согласования с регистратором [19].

Противоречие между подходами не устранено. Уже после кассационного закрепления второго подхода арбитражная практика продолжала исходить из неимущественного характера доменных имен: суд отказал ООО «Л-Трейд» в обязании регистратора принять оплату за продление регистрации доменных имен в интересах лиц, имеющих право на распределение имущества ликвидируемого юридического лица (п. 5.2 ст. 64 ГК РФ), указав, что на доменное имя не возникает право собственности, оно не является имущественным правом, а регистрация осуществляется на основании договора оказания услуг (решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.01.2024 по делу № А40–36981/2023) [20]. Таким образом, раскол проходит не между инстанциями, а между системами судов: подход, закрепленный кассационными судами общей юрисдикции, арбитражной практикой не воспринят.

В отсутствие нормативного регулирования регистраторы вырабатывают «квазинаследственные» процедуры, не входящие в круг их полномочий: АО «РСИЦ» (РУ-ЦЕНТР) устанавливает административный порядок перехода доменных имен с шестимесячным сроком и развернутым перечнем документов, ООО «Регистратор доменных имен РЕГ.РУ» — механизм соглашения с заранее назначенным администратором лицом и тридцатидневным сроком. Процедуры различаются сроками, перечнем документов и субъектным составом, являются платными и не гарантируют отсутствие претензий третьих лиц [5]. Пункт 8.6 Правил регистрации доменных имен в доменах. RU и. РФ позволяет регистратору, но не обязывает его аннулировать регистрацию доменного имени после смерти администратора [9], что создает риск утраты доменного имени до истечения срока принятия наследства — риск, наглядно подтвержденный историей доменного имени jbl.ru.

Ориентир для разрешения спорной квалификации дает Конституционный Суд Российской Федерации: в постановлении от 20.01.2026 № 2-П имущественный характер цифровой валюты признан несовместимым с лишением наследников судебной защиты по причине неурегулированности порядка обращения

взыскания [22]. Хотя решение принято применительно к иной разновидности цифровых активов, оно демонстрирует общий подход: имущественная сущность цифрового акта не может быть отвергнута лишь по причине отсутствия специальной нормы, а неурегулированность не должна превращаться в отказ в защите прав наследников.

Вариантами восполнения пробела представляются: (1) закрепление имущественного характера права администрирования доменным именем и его наследуемости на уровне федерального закона; (2) установление единой процедуры взаимодействия нотариуса и регистратора — обязанности предоставления сведений из реестра по запросу нотариуса и порядка внесения изменений в реестр на основании свидетельства о праве на наследство; (3) приостановление действия механизма аннулирования регистрации в отношении доменных имен умерших администраторов до истечения срока принятия наследства; (4) учет наследственного аспекта при дальнейшей реформе централизованной системы регистрации: постановлением Правительства РФ от 31.08.2026 № 1119 утверждены новые Правила регистрации доменных имен [21], однако переход прав администрирования в порядке наследования ими также не урегулирован.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Доменное имя не отнесено ни к объектам интеллектуальных прав, ни к числу объектов, судьба которых в порядке наследования урегулирована специальной нормой.

2. Судебная практика демонстрирует два конкурирующих подхода: подход, закрепленный кассационными судами общей юрисдикции, арбитражной практикой не воспринят, что снижает предсказуемость правоприменения.

3. Законодательное закрепление имущественного характера права администрирования доменным именем и единой процедуры перехода таких прав к наследникам устранит как материально-правовую неопределенность, так и замещающую государственное регулирование «квазинаследственную» деятельность регистраторов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49. — Ст. 4552. — Текст: электронный // СПС

«КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 05.11.2026).

2. Титов, И. Е. Доменное имя: цифровой актив, идентификатор или иной объект? / И. Е. Титов, Е. В. Алымова // Цифровое право (Digital Law Journal). — 2025. — № 4 (том 6). — С. 42–81. — Текст: электронный // ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: https://internet.garant.ru/document/redirect/486209105/0 (дата обращения: 05.11.2026).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3452. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 05.11.2026).
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2025 № 569-ФЗ. — Текст: электронный // Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413278488/ (дата обращения: 05.11.2026).
5. Стрельников, С. В. Квазинаследственные процедуры регистраторов доменных имен как результат правового пробела / С. В. Стрельников, Р. Ш. Рахматулина // Legal Bulletin. — 2023. — № 3 (том 8). — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kvazinasledstvennye-protsedury-registratorov-domennyh-imen-kak-rezultat-pravovogo-probela (дата обращения: 05.11.2026).
6. Бандурина, Н. В. Идентификация в наследственных правоотношениях при наследовании цифровых активов / Н. В. Бандурина // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2025. — № 8. — С. 38–44. — Текст: электронный // Научная электронная библиотека «eLIBRARY. RU» (дата обращения: 05.11.2026).
7. Кархалева, Т. Сохранить цифровое наследие для будущего. Наследование доменных имен и аккаунтов в социальных сетях / Т. Кархалева // Адвокатская газета. — 2025. — № 12 (437). — Текст: электронный // Адвокатская газета: [сайт]. — URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/sokhranit-tsifrovoe-nasledie-dlya-budushchego/ (дата обращения: 05.11.2026).

8. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10. — Текст: электронный // Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696/ (дата обращения: 05.11.2026).
9. Правила регистрации доменных имен в доменах. RU и. РФ: [утверждены Координационным центром национального домена сети «Интернет»]. — Текст: электронный // Координационный центр доменов. RU/.РФ: [сайт]. — URL: https://cctld.ru/domains/docs/ (дата обращения: 05.11.2026).
10. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 27.11.2020 №03–04–07/103754. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369705/ab7bf381b177691729c72002f4b8e4e59f0c49b8/ (дата обращения: 05.11.2026).
11. Решение Мытищинского городского суда Московской области от 30.11.2011 по делу № 2–4006/11. — Текст: электронный // ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: https://arbitr.garant.ru/document/redirect/101806349/0 (дата обращения: 05.11.2026).
12. Определение Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 12.04.2018 по делу № 2–1670/2018. — Текст: электронный // ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: arbitr.garant.ru/document/redirect/304191805/0 (дата обращения: 05.11.2026)
13. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 02.03.2020 по делу № 33–9821/2020 (обжалование решения Хорошевского районного суда г. Москвы от 08.11.2019 по делу № 2–3882/2019). — Текст: электронный // ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: https://arbitr.garant.ru/document/redirect/313122588/0 (дата обращения: 05.11.2026).
14. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 16.12.2019 по делу № А40–114858/19. — Текст: электронный // ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: https://arbitr.garant.ru/document/redirect/97854919/0 (дата обращения: 05.11.2026).
15. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.02.2020 № 09АП-81569/19 по делу № А40–114858/19. — Текст: электронный // СудАкт. ру: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/D2BChMp567Hc/ (дата обращения: 05.11.2026).

16. Определение судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.11.2019 по делу № 88–210/2019. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=10609 (дата обращения: 05.11.2026).
17. Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 17.05.2022 по делу № 2–3838/2022. — Текст: электронный // Московский городской суд: [сайт]. — URL: https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/cases/docs/content/460cf0b0-d6c4–11ec-9278–95a37c2f2584 (дата обращения: 05.11.2026).
18. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28.09.2022 по делу № 33–38299/22. — Текст: электронный // Московский городской суд: [сайт]. — URL: https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/cases/docs/content/2fe55320–63fc-11ed-b2fd-ebf974086759 (дата обращения: 05.11.2026).
19. Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2023 по делу № 8Г-1885/2023 (88–7164/2023). — Текст: электронный // ГАРАНТ. РУ: [сайт]. — URL: https://arbitr.garant.ru/document/redirect/333625493/0 (дата обращения: 05.11.2026).
20. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.01.2024 по делу № А40–36981/2023. — Текст: электронный // СудАкт. ру: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/xCh7WGU5MrVS/ (дата обращения: 05.11.2026).
21. Об утверждении Правил регистрации доменных имен: постановление Правительства Российской Федерации от 31.08.2026 № 1119. — Текст: электронный // Координационный центр доменов. RU/.РФ: [сайт]. — URL: https://cctld.ru/domains/docs/ (дата обращения: 05.11.2026).
22. По жалобе гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича на нарушение его конституционных прав частью 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П. — Текст: электронный // Конституционный Суд Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision882237.pdf (дата обращения: 05.11.2026).

Участие граждан в отправлении правосудия: смешанные составы и присяжные в Японии, Германии и России

Файзуллаев Шухратбек Саиджон угли, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье сопоставляются три модели участия граждан в уголовном правосудии: смешанный состав в Японии, шеффенские суды Германии и суд присяжных в России. На основе законодательства, судебной практики и статистики обосновывается, что от способа отбора граждан и от требований к мотивировке решения зависят самостоятельность граждан и устойчивость приговора. Формулируются выводы для российского законодательства.

Ключевые слова: *суд присяжных, шеффены, смешанный состав суда, отбор граждан, мотивировка вердикта.*

Citizen participation in the administration of justice: mixed panels and juries in Japan, Germany and Russia

Fayzullaev Shukhratbek Saidjon ugli, Master's student
Scientific supervisor: Denis A. Shirev, Candidate of Law, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow)

The article compares three models of citizen participation in criminal justice: the mixed panel in Japan, the German Schöffen courts and the jury in Russia. Relying on legislation, case law and statistics, it argues that the independence of citizens and the stability of the verdict depend on the way citizens are selected and on the requirements for reasoning the decision. Conclusions for Russian legislation are formulated.

Keywords: *jury trial, lay judges, mixed panel, selection of citizens, reasoned verdict.*

Участие граждан в отправлении правосудия принято считать признаком демократического правопорядка, однако за общей формулой скрываются разные конструкции: коллегия присяжных, решающая вопрос о виновности отдельно от судьи, и смешанный состав, в котором граждане и профессиональные судьи совещаются вместе. Выбор между ними не вопрос вкуса: от него зависят самостоятельность граждан, предсказуемость приговора и его устойчивость в вышестоящих инстанциях. Цель настоящей работы — выяснить, какая модель лучше сочетает легитимность приговора с качеством решения и что из зарубежного опыта применимо в России.

Теоретическим каркасом избран институциональный подход: участие граждан рассматривается как совокупность правил об отборе, о составе суда и о проверке приговора. Япония, Германия и Россия выбраны потому, что представляют три ответа на один вопрос: смешанный состав, введённый недавно, смешанный состав с вековой традицией и расширенный суд присяжных.

Япония выбрала смешанный состав сравнительно недавно. Закон об уголовных процессах с участием непрофессиональных судей действует с 21 мая 2009 г.: тяжкие дела рассматривают три профессиональных судьи и шесть граждан (сайбан-ин), причём обвиняемый не вправе отказаться от такого суда [3]. По данным Верховного суда Японии, к концу февраля 2024 г. судьями или запасными побывали 124 017 человек [4]. Конституционность системы Верховный суд подтвердил 16 ноября 2011 г. [5] Цифры, однако, требуют осторожности: из 12 081 процесса, проведённого до конца марта 2019 г., 97% завершились обвинительными приговорами, а рост отказов граждан от участия и падение явки сам суд объяснил длительностью разбирательств, старением населения и снижением интереса [6]. Думается, японский опыт показывает, что государство получило обязательный для обвиняемого суд, но не устойчивую заинтересованность самих граждан.

Германия представляет иной случай. На общегосударственном уровне шеффенские суды введены в 1924 г. реформой Эммингера, когда законодатель отказался от суда присяжных [1, с. 418]. По Закону о судоустройстве (GVG) [7] шеффенский суд при участковом суде состоит из судьи-председателя и двух шеффенов, а по ходатайству прокуратуры к ним может быть добавлен второй профессиональный судья; участковый суд не вправе назначить наказание свыше четырёх лет лишения свободы (§ § 24, 29). Большая палата земельного суда включает двух шеффенов и двух или трёх профессиональных судей, малая — при апелляции — председателя и двух шеффенов (§ 76). Шеффены осуществляют правосудие в полном объёме и с теми же правами голоса, что и профессиональные судьи (§ 30). Должность почётная, занимать её могут только граждане Германии, как правило не моложе 25 и не старше 70 лет (§ 31, 33).

Своеобразие германской модели — многоступенчатый отбор. Раз в пять лет общины составляют списки кандидатов, причём включение требует одобрения двух третей присутствующих членов общинного собрания, а список должен не менее чем вдвое превышать потребное число шеффенов и отражать все группы населения по полу, возрасту, профессии и социальному положению (§ 36). Окончательный выбор делает комитет при участковом суде большинством в две трети голосов (§ § 40, 42). Жребий действует лишь на последнем

этапе: он определяет очерёдность участия уже избранных шеффенов в заседаниях года, причём каждый по возможности призывается не более чем на двенадцать заседаний (§ § 43, 45). В. Н. Руденко справедливо подчёркивает, что сам отбор шеффенов не случаен, и объясняет это стремлением законодателя создать барьер против непрофессионализма [1, с. 421]; ещё К. Миттермайер не считал жребий надёжным способом отбора народных судей [1, с. 418]. Правила об отводе судей распространяются и на шеффенов (§ 31 УПК ФРГ) [2, с. 59], а немотивированные отводы не допускаются [1, с. 424].

Оценки практики у того же автора критичны. По его мнению, на выдвижение кандидатов влияют полиция, церковь и партии, а типичный шеффен — государственный служащий среднего возраста, так что нижние слои общества представлены слабо [1, с. 422]. По исследованиям С. Махуры, на которые ссылается автор, шеффены ведут себя пассивно и редко задают вопросы, а их влияние на мнение профессионалов невелико [1, с. 425]. Следует, однако, помнить, что эти данные относятся к началу 2000-х годов (доля дел первой инстанции, рассмотренных смешанными судами в 1997 г., составляла 12%) [1, с. 424–425], тогда как закон с тех пор менялся; для описания нынешней практики нужны более свежие исследования, которых в нашем распоряжении и в общем доступе не имеется. Предложение Руденко ввести жребий уже при отборе [1, с. 425], как нам представляется, снижает риск внешнего влияния и лучше служит репрезентативности, чем голосование комитета, но оставляет вопрос о компетентности, против которой немецкий закон намеренно строит барьер.

Российская модель — коллегия присяжных, решающая вопросы факта отдельно от профессионального судьи. Федеральный закон № 190-ФЗ [8] с 1 июня 2018 г. расширил её применение: в районных судах коллегия состоит из шести, в краевых и областных — из восьми присяжных. Списки кандидатов формируются в порядке, установленном законом о присяжных заседателях [9]. Практика рисует парадоксальную картину. Доля оправданных в судах первой инстанции в 2024 г. составила 0,46% [10], тогда как в суде присяжных оправдания стабильно занимают 20–25% дел; но в первом полугодии 2024 г. отменены 49 обвинительных и 105 оправдательных приговоров, постановленных на основании вердиктов (за год с участием присяжных рассматривается порядка двух тысяч дел) [11]. Оправдательный вердикт, таким образом, самостоятелен, но хрупок.

Здесь и возникает главный спор — о мотивировке. Присяжные дают самостоятельное решение граждан, но немотивированный вердикт трудно проверить; смешанный состав даёт мотивированное решение, но ценой риска доми-

нирования профессионалов. Европейский суд по правам человека в деле Taxquet v. Belgium (Большая палата, 2010 г.) установил нарушение статьи 6 Конвенции, указав, что судебное разбирательство с присяжными и немотивированным вердиктом само по себе не противоречит Конвенции, но обвиняемый должен иметь гарантии, позволяющие понять, почему его осудили [12]; в деле Lhermitte v. Belgium (Большая палата, 2016 г.) нарушения не найдено, причём десятью голосами против семи [13]. Российская практика отмены оправдательных вердиктов, представляется, отчасти отражает ту же дилемму: проверяющей инстанции трудно оценить вердикт, основания которого не раскрыты.

Для России вывод двоякий. Во-первых, германский опыт убеждает, что смешанный состав сам по себе не гарантирует активности граждан, а японский, по-видимому, — что обязательность суда сама по себе не создаёт интереса к службе. Во-вторых, опыт ЕСПЧ показывает путь, не требующий отказа от присяжных. Представляется разумным сохранить случайный отбор и раздельную коллегию, но усилить гарантии понимания вердикта: через структуру вопросного листа и напутственного слова председательствующего, позволяющую апелляции увидеть основания решения, и через публикацию статистики причин отмены вердиктов.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что гипотеза подтверждается лишь отчасти. Смешанный состав обеспечивает мотивированность и стабильность, но сопровождается пассивностью граждан (Германия) и снижением интереса к участию (Япония); раздельная коллегия обеспечивает самостоятельность, но делает вердикт уязвимым для отмены (Россия). Наиболее устойчивой представляется конструкция, в которой самостоятельное решение граждан сочетается с проверяемыми основаниями вердикта.

Литература:

1. Руденко В. Н. Институт жребия в формировании состава шеффенских судов в Германии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2010. — Вып. 10. — С. 417–425.
2. Розэ Г. Введение в немецкое уголовно-процессуальное право: учебное пособие / науч. пер. А. Килина, Ю. Степанова. — Красноярск: Красноярский государственный университет, 2001. — 219 с.
3. Chapter 5: Trial Process (Act on Criminal Trials Examined under the Lay Judge System, в силе с 21 мая 2009 г.) // UNAFEI [Электронный ресурс].

URL: https://unafei.or.jp/publications/pdf/CJSJ_2011/07Chapter5.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
4. Japan's Lay Judge System Marks 15 Years // Nippon.com. Japan Data [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/en/japan-data/h01999/ (дата обращения: 25.10.2026).
5. Japan's Supreme Court finds lay participation in criminal trials constitutional // I·CONnect [Электронный ресурс]. URL: https://www.iconnectblog.com/japans-supreme-court-finds-lay-participation-in-criminal-trials-constitutional/ (дата обращения: 25.10.2026).
6. Japan Marks 10 Years Since Start of Lay Judge System // Nippon.com. Japan Data [Электронный ресурс]. URL: https://nippon.com/en/japan-data/h00468/japan-marks-10-years-since-start-of-lay-judge-system.html (дата обращения: 25.10.2026).
7. Gerichtsverfassungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 9. Mai 1975 (BGBl. I S. 1077), zuletzt geändert durch Gesetz vom 20. März 2026 (BGBl. 2026 I Nr. 95) (Германия); англ. пер.: Courts Constitution Act // Federal Ministry of Justice and Consumer Protection, www.gesetze-im-internet.de (дата обращения: 25.10.2026).
8. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.10.2026).
9. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.10.2026).
10. Снизилось общее число уголовных дел, поступающих в суды различных инстанций // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/snizilos-obshchee-chislo-ugolovnykh-del-postupayushchikh-v-sudy-razlichnykh-instantsiy/ (дата обращения: 25.10.2026).
11. Суд присяжных: итоги 2024 года и прогноз на 2025 г. // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2024-goda-i-prognoz-na-2025-y/ (дата обращения: 25.10.2026).
12. Taxquet v. Belgium [GC], no. 926/05, judgment of the European Court of Human Rights of 16 November 2010.

13. Lhermitte v. Belgium [GC], no. 34238/09, judgment of the European Court of Human Rights of 29 November 2016.

Исторические закономерности развития институтов амнистии и помилования в российском праве

Хабибуллина Гузель Маратовна, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

Исследуется историческое развитие институтов амнистии и помилования в российском праве. Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Прослежена эволюция институтов от внесудебного усмотрения монарха до современной нормативной регламентации, выделены этапы их развития и присущие каждому этапу особенности. Показано, что государственно-властный характер прощения оставался неизменным, а интенсивность применения амнистии неоднократно порождала кризисные последствия. Сформулированы выводы о закономерностях развития рассматриваемых институтов и о значении исторического опыта для совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: *амнистия, помилование, история права, государственное прощение, уголовная политика, правовая традиция.*

Введение

Институты амнистии и помилования принадлежат к числу древнейших правовых явлений, известных человечеству с момента возникновения государственной организации общества. Их появление обусловлено тем, что государственная власть с самого начала присвоила себе исключительное право не только наказывать нарушивших закон лиц, но и прощать их [8]. Изучение истории рассматриваемых институтов имеет не только познавательное, но и прикладное значение: многие проблемы их современного правового регулирования — неопределённость оснований, широта усмотрения, отсутствие устойчивых критериев — уходят корнями в предшествующие эпохи.

Актуальность темы определяется тем, что действующее законодательство не содержит легальных определений амнистии и помилования, а их регламентация остаётся фрагментарной [5]. Историко-правовой анализ позволяет выявить закономерности развития этих институтов и оценить, в какой мере

современное регулирование учитывает предшествующий опыт. Цель работы — выявить исторические закономерности развития институтов амнистии и помилования в российском праве и определить значение этого опыта для современного законодательства.

Задачи исследования: рассмотреть становление институтов в дореволюционный период; проанализировать их развитие в советский период; охарактеризовать современный этап; выявить закономерности развития и сформулировать выводы для действующего законодательства. Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Становление институтов в дореволюционный период

В период Киевской Руси и Московского государства право на прощение принадлежало исключительно центральной власти — князю, а затем государю. Амнистия и помилование не имели нормативной регламентации и применялись по усмотрению власти, сообразуясь с политическими и социальными условиями [8]. Прощение использовалось как средство укрепления авторитета власти и как инструмент разрешения политических конфликтов, а не как правовой институт в современном понимании.

В Российской империи институт помилования получил основательную теоретическую разработку. Н. С. Таганцев рассматривал помилование как акт верховной власти, устраняющий применение наказания к виновному или смягчающий его участь, и подчёркивал, что основанием помилования выступает не только милосердие, но и целесообразность [7]. Классическими исследованиями этой проблематики стали также труды И. Я. Фойницкого и П. И. Люблинского, которые анализировали соотношение помилования с судебной властью и ставили вопрос о пределах монаршего усмотрения. Именно в дореволюционной доктрине сложилось понимание помилования как акта государственной милости, обращённого к индивидуально определённому лицу, которое впоследствии было воспринято советским, а затем и современным российским законодательством [6]. Как отмечается в историко-правовых исследованиях, в законодательстве Российской империи ослабление уголовного преследования в отношении преступников, устанавливаемое манифестом, именовалось помилованием, однако по существу манифест являлся актом амнистии, поскольку его содержание, как правило, было направлено на неопределённый круг лиц и охватывало конкретные составы преступлений [9].

Таким образом, уже на дореволюционном этапе сформировались два устойчивых признака рассматриваемых институтов: их государственно-властный

характер и связь с целесообразностью, а не только с милосердием. Вместе с тем отсутствие нормативных критериев прощения оставляло решение вопроса целиком на усмотрение монарха, что предопределило последующее развитие институтов.

Развитие институтов в советский период

Советский период развития рассматриваемых институтов отличают две противоположные тенденции. С одной стороны, амнистия и помилование использовались как инструменты внесудебного регулирования уголовной политики и применялись исключительно интенсивно: за период с 1953 по 1977 год в СССР было объявлено пять амнистий, то есть в среднем одна амнистия каждые пять лет [8]. Наиболее масштабной стала амнистия 1953 года, в результате которой из мест лишения свободы было освобождено более 1,2 миллиона человек, а также прекращены дела в отношении более чем 400 тысяч лиц, находившихся на стадии расследования [8].

С другой стороны, поскольку государство не позаботилось о трудоустройстве и социальной реинтеграции освобождённых, следствием этой амнистии стал резкий рост преступности, в том числе насильственной, корыстной и рецидивной. Отмеченная закономерность — декларирование гуманистических целей при отсутствии механизмов ресоциализации освобождённых — сохранилась и в постсоветский период, что подтверждается, в частности, историей амнистии 2000 года, приуроченной к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне [8]. Показательно, что амнистия и помилование как внесудебные инструменты регулирования уголовной, в том числе пенитенциарной, политики широко применялись властью именно в переходные эпохи — в период Революции и Гражданской войны, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время, в период «оттепели», а также на этапе распада СССР и коренного переустройства экономической и общественно-политической системы [10].

В советской уголовно-правовой доктрине амнистия понималась преимущественно как акт нормативного характера, а её правовая природа связывалась с деятельностью высших органов государственной власти. Так, К. Мирзаджанов рассматривал амнистию как государственное организационное мероприятие, направленное на претворение в жизнь уголовно-правовой политики, и не признавал за ней собственно нормативного характера [4]. И. Л. Марогулова, напротив, обосновывала нормативную природу амнистии и настаивала на необходимости разграничения акта об амнистии и самого института амнистии как совокупности уголовно-правовых норм [3]. Существенный вклад в изуче-

ние эффективности амнистии внёс С. И. Комарицкий, предложивший ставшее широко цитируемым определение амнистии как нормативного акта органа высшей государственной власти, носящего исключительный характер [2].

Особенностью советского периода являлся приоритет государственной идеологии над уголовной политикой. В этих условиях право на прощение на протяжении всего периода оставалось исключительной прерогативой центральной власти, а в качестве органа, обладавшего таким полномочием, в разные годы выступал Президиум Верховного Совета РСФСР [8]. Таким образом, советский этап воспроизвёл основную закономерность предшествующего периода — государственно-властный характер прощения, — дополнив её регулярностью применения амнистии как инструмента пенитенциарной политики.

Современный этап и закономерности развития институтов

Современный этап начинается с принятия Конституции Российской Федерации 1993 года и Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года. Конституция впервые на конституционном уровне развела рассматриваемые институты по разным субъектам: объявление амнистии отнесено к ведению Государственной Думы, а право осуществления помилования принадлежит Президенту Российской Федерации [8]. В Уголовном кодексе институты были закреплены в статьях 84 и 85, включённых в главу 13 «Амнистия, помилование и судимость».

Вместе с тем практика применения амнистии в постсоветский период оставалась чрезвычайно интенсивной. За период с 1991 по 2014 год в России было проведено 18 амнистий, то есть в среднем одна амнистия каждые шестнадцать месяцев [8]. Показателен опыт амнистии 2000 года: первоначальный проект допускал освобождение от отбывания наказания независимо от назначенного срока в отношении широкого круга лиц, вследствие чего на свободе могло оказаться значительное число лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Этот недостаток был достаточно оперативно исправлен Государственной Думой, однако определённая часть осуждённых успела воспользоваться упущением законодателя, и всего по данной амнистии из мест лишения свободы было освобождено порядка 188 тысяч человек [8]. Приведённый пример наглядно демонстрирует, что отсутствие стабильных законодательных критериев амнистии создаёт риск конъюнктурных решений. Отдельного внимания заслуживает вопрос о реализации законного интереса осуждённых на освобождение по амнистии: затягивание применения акта об амнистии к конкретному осуждённому может расцениваться как нарушение его прав, что требует установления дифференцированных сроков исполнения акта [11].

Значимой вехой стало постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 г. № 11-П, в котором была сформулирована правовая позиция, согласно которой, освобождая одних лиц от уголовной ответственности и наказания, Государственная Дума, реализуя в акте об амнистии гуманистические задачи, одновременно должна взвешивать конкурирующие конституционные ценности и не может допускать, чтобы права других лиц и являющиеся необходимым условием их реализации законность, правопорядок и общественная безопасность были поставлены под угрозу нарушения [1]. Данная позиция имеет принципиальное значение для оценки пределов амнистии: гуманизм не является абсолютным началом и должен соотноситься с требованиями справедливости и безопасности.

Проведённый историко-правовой анализ позволяет выделить следующие закономерности развития рассматриваемых институтов. Во-первых, государственно-властный характер прощения оставался неизменным на всех этапах: право на амнистию и помилование всегда принадлежало центральной власти. Во-вторых, развитие институтов шло от внесудебного усмотрения к попыткам нормативного упорядочения, однако этот процесс остаётся незавершённым. В-третьих, интенсивность применения амнистии неоднократно порождала кризисные последствия, связанные с отсутствием стабильных критериев и механизмов ресоциализации освобождённых. В-четвёртых, расширение круга субъектов, участвующих в процедуре прощения, не сопровождалось адекватным усилением процессуальных гарантий прав заинтересованных лиц.

Заключение

1. Институты амнистии и помилования прошли длительный путь развития от внесудебного усмотрения монарха до современной нормативной регламентации, сохранив при этом государственно-властный характер.

2. Дореволюционная доктрина заложила понимание помилования как акта государственной милости, обращённого к индивидуально определённому лицу; советский период дополнил его регулярным использованием амнистии как инструмента пенитенциарной политики.

3. Отсутствие стабильных критериев амнистии и механизмов ресоциализации освобождённых неоднократно приводило к кризисным последствиям, что подтверждает необходимость взвешенного подхода к определению масштабов амнистии.

4. Исторический опыт свидетельствует о необходимости завершения нормативного упорядочения рассматриваемых институтов — закрепления легальных определений, общих начал и процессуальных гарантий применения амнистии и помилования.

Литература:

1. По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 г. № 11-П//Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2001. — № 6.
2. Комарицкий С. И. Эффективность освобождения из исправительно-трудовых учреждений по амнистии/С. И. Комарицкий. — Москва: Издательство ВНИИ МВД СССР, 1982. — 75 с.
3. Марогулова И. Л. Амнистия и помилование в российском законодательстве / И. Л. Марогулова. — Москва: Интел-Синтез, 1998. — 140 с.
4. Мирзаджанов К. Амнистия и помилование в советском уголовном праве / К. Мирзаджанов. — Ташкент: Фан, 1977. — 32 с.
5. Рзаева С. Н. О вопросах применения законодательства об амнистии и помиловании / С. Н. Рзаева // Право и государство: теория и практика. — 2016. — № 1 (133). — С. 162–166.
6. Ромашов Р. А. Амнистия и помилование как виды государственного прощения вины / Р. А. Ромашов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2012. — № 4 (20). — С. 4–7.
7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 2 / Н. С. Таганцев. — Москва: Наука, 1994. — 393 с.
8. Скуратов Ю. И. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия / Ю. И. Скуратов, С. Н. Чурилов, Н. С. Грудинин // Всероссийский криминологический журнал. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 20–27.
9. Ельчанинов А. П. Институты амнистии и помилования в ретроспективе отечественного законодательства / А. П. Ельчанинов // Вестник Самарского юридического института. — 2017. — № 1 (23).
10. Милюков С. Ф. Рецензия на монографию Гришко А. Я., Потапова А. М. «Амнистия. Помилование. Судимость» / С. Ф. Милюков, М. Г. Миненок // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2012. — № 3 (21).

11. Сторожук М. И. Амнистия и помилование как законный интерес осужденного / М. И. Сторожук // Уголовно-исполнительное право. — 2013. — № 2. — С. 51–54.

Проблемы и тенденции правоохранительной деятельности в зарубежных странах: современные вызовы и перспективы

Чулпонов Элдоржон Абдуллажон угли, студент;
Маныев Ресулбег, студент
Научный руководитель: Ширев Денис Андреевич, кандидат юридических наук, доцент
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье анализируются ключевые проблемы и современные тенденции развития правоохранительной деятельности в зарубежных странах. Рассматриваются такие вызовы, как коррупция в полицейских органах, чрезмерное применение силы, неэффективность традиционных методов борьбы с киберпреступностью. Исследуются тенденции цифровизации, внедрения искусственного интеллекта, развития концепции «общественной полиции» (community policing) и реформ, направленных на повышение прозрачности. Делается вывод о необходимости баланса между эффективностью и соблюдением прав человека.

Ключевые слова: *правоохранительная деятельность, зарубежные страны, полиция, коррупция, киберпреступность, искусственный интеллект, права человека.*

Problems and trends of law enforcement activity in foreign countries: current challenges and prospects

Chulponov Eldorjon Abdullazhon ugli, student;
Manyev Resulbeg, student
Scientific supervisor: Shirev Denis Andreevich, Candidate of Law, Associate Professor
Patrice Lumumba Peoples» Friendship University of Russia (Moscow)

The article analyzes key problems and current trends in the development of law enforcement activities in foreign countries. It examines challenges such as corruption in police agencies, excessive use of force, and inefficiency of traditional methods in combating cybercrime. The trends of digitalization, introduction of artificial intelligence, development of community policing concept, and reforms aimed at increasing transparency are studied. The conclusion is made about the need for a balance between effectiveness and respect for human rights.

Keywords: *law enforcement activity, foreign countries, police, corruption, cybercrime, artificial intelligence, human rights.*

Правоохранительная деятельность в зарубежных странах на современном этапе сталкивается с комплексом системных проблем, которые требуют пересмотра традиционных подходов. С одной стороны, глобализация и технологический прогресс создают новые вызовы (транснациональная преступность, кибератаки). С другой — общества ожидают от полиции и других правоохранительных органов не только эффективности, но и соблюдения прав человека, прозрачности и подотчетности. В данной статье рассматриваются основные проблемы и тенденции правоохранительной деятельности в зарубежных странах на примере США, государств Европейского союза и некоторых других регионов.

1. Проблема коррупции в правоохранительных органах

Коррупция остается одной из наиболее острых проблем для полиции, прокуратуры и судебных систем зарубежных стран. По данным Transparency International, в ряде государств Восточной Европы, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии уровень восприятия коррупции в полиции оценивается как критический [1, с. 45]. Даже в странах с развитой правовой системой, таких как Италия или Греция, периодически выявляются коррупционные схемы с участием высокопоставленных сотрудников. Коррупция подрывает доверие граждан, снижает эффективность расследований и создает питательную среду для организованной преступности.

Одним из показательных примеров является реформа полиции в Мексике, где коррумпированные местные органы власти часто блокируют расследования. В ответ на это в 2019 году была создана Национальная гвардия, однако ее деятельность пока не привела к кардинальному снижению коррупции [1].

2. Чрезмерное применение силы и полицейское насилие

Проблема чрезмерного применения силы сотрудниками полиции особенно остро стоит в США. Громкие случаи гибели афроамериканцев (Джордж Флойд,

Бреонна Тейлор, Элисон Макклоски-Тейлор) вызвали массовые протесты и международный резонанс. Статистика показывает, что полицейские в США в 3,5 раза чаще применяют оружие в отношении чернокожих по сравнению с белыми, не оказывающими сопротивления [2, с. 112]. Аналогичные проблемы наблюдаются во Франции, где в 2020–2023 годах были зафиксированы случаи жестокого обращения с протестующими «желтых жилетов» и мигрантами.

В ответ на общественное давление многие зарубежные страны внедряют программы по деэскалации конфликтов, обязательное ношение нательных видеокамер (body cameras). Например, в Великобритании с 2016 года все патрульные полицейские оснащены видеорегистраторами, что снизило количество жалоб на насилие на 23% [3, с. 88]. Тем не менее, полное решение проблемы требует не только технических мер, но и пересмотра критериев оценки работы полиции — перехода от «палочной системы» по числу задержаний к показателям общественного доверия.

3. Проблема киберпреступности и цифровая трансформация

Традиционная правоохранительная деятельность плохо приспособлена к борьбе с преступлениями, совершаемыми в цифровой среде. Фишинг, вымогательство с помощью программ-шантажистов (ransomware), кража личных данных, распространение детской порнографии — эти деяния требуют иных навыков, технологий и международной координации. По оценкам Cybersecurity Ventures, ущерб от киберпреступности в мире достигнет 10,5 трлн долларов к 2025 году [2]. При этом раскрываемость киберпреступлений в зарубежных странах редко превышает 5–10% [4, с. 205].

Среди тенденций решения этой проблемы — создание специализированных подразделений по борьбе с киберпреступностью (например, Отдел по борьбе с киберпреступностью ЕС — EC3 в Европоле), а также активное внедрение искусственного интеллекта для мониторинга сети и выявления подозрительных паттернов. В Германии с 2022 года действует система «Гамма», которая автоматически анализирует большие объемы трафика на предмет возможных угроз [3]. Однако эти методы порождают новые проблемы — прежде всего, баланс между безопасностью и неприкосновенностью частной жизни.

4. Тенденция развития концепции «общественной полиции» (community policing)

В противовес карательному подходу во многих зарубежных странах набирает популярность модель «общественной полиции» (community policing), предполагающая тесное взаимодействие сотрудников с местными сообществами, профилактику правонарушений и решение проблем на низовом уровне. Эта кон-

цепция особенно развита в Японии (система *кобан*), Канаде и Скандинавских странах. Исследования показывают, что в районах, где работают участковые по принципу community policing, уровень уличной преступности снижается на 15–20%, а доверие к полиции возрастает до 80% [5].

Европейский союз активно финансирует проекты по переходу к такой модели. Например, в Нидерландах с 2021 года в пилотных районах полицейские не имеют при себе огнестрельного оружия и сосредоточены на социальной работе. Однако критики указывают, что эта модель требует больших затрат на обучение и не всегда эффективна против организованной или насильственной преступности.

5. Проблема защиты прав человека при использовании новых технологий

Внедрение систем распознавания лиц, предиктивной полицейской аналитики (predictive policing) и массовой слежки создает риск дискриминации и нарушения прав человека. В США несколько городов (Сан-Франциско, Бостон, Портленд) запретили использование технологий распознавания лиц в публичных местах из-за высокой ошибки при идентификации людей с темным цветом кожи [6]. В Европейском союзе проект Регламента об искусственном интеллекте (AI Act) квалифицирует массовую биометрическую слежку как «высокорисковую» и требует строгих гарантий [4]. Предиктивная полиция, использующая исторические данные об арестах, может воспроизводить и усиливать существующие расовые и социальные предубеждения, что признано рядом судебных решений (например, дело *Wisconsin v. Loomis*, 2016).

Тенденцией последних лет является принятие специальных законов, ограничивающих применение таких технологий. Во Франции Закон о безопасности от 2021 года разрешил эксперименты с дистанционными датчиками (в том числе дронами) только под надзором судебных органов. В Германии Федеральный конституционный суд потребовал законодательно закрепить принцип «пропорциональности» при использовании полицией троянов для удаленного доступа к устройствам.

Заключение

Проведенный анализ позволяет выделить следующие основные проблемы и тенденции правоохранительной деятельности в зарубежных странах. Проблемы: коррупция, чрезмерное применение силы, неэффективность борьбы с киберпреступностью, риск злоупотреблений новыми технологиями. Тенденции: цифровизация, внедрение ИИ и систем распознавания, развитие community policing, принятие регулирующих актов для защиты прав человека. Общей закономерностью является переход от чисто репрессивной модели

к более гибкой, прозрачной и ориентированной на доверие общества. Однако этот переход сопровождается серьезными трудностями, особенно в странах с низким уровнем правовой культуры и слабыми гражданскими институтами. Дальнейшие исследования должны быть направлены на выработку международных стандартов правоохранительной деятельности в цифровую эпоху и механизмов контроля за соблюдением прав человека.

Литература:

1. Закон Мексики о Национальной гвардии от 27 мая 2019 г. (Diario Oficial de la Federación, 27.05.2019).
2. Morgan, S. Cybercrime To Cost The World $ 10.5 Trillion Annually By 2025 // Cybercrime Magazine. — URL: https://cybersecurityventures.com/cybercrime-damages-6-trillion-by-2021/ (дата обращения: 04.04.2026).
3. § 100b Уголовно-процессуального кодекса Германии (StPO) в редакции от 23 декабря 2022 г. (BGBl. I S. 2662).
4. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (AI Act), COM (2021) 206 final, art. 52.
5. Héra, G. The Japanese koban community policing system / G. Héra. — Text: electronic // Belügyi Szemle. — 2024. — Vol. 72, iss. 1. — P. 117–134. — URL: researchgate.net (date of access: 05.06.2026).
6. Buolamwini, J. Gender Shades: Intersectional Accuracy Disparities in Commercial Gender Classification / J. Buolamwini, T. Gebru. — Text: electronic // Proceedings of Machine Learning Research. — 2018. — Vol. 81: Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. — P. 1–15. — URL: https://proceedings.mlr.press/v81/buolamwini18a/buolamwini18a.pdf (дата обращения: 05.06.2026).
7. Число смертей от полицейского насилия в США достигло рекордного уровня в 2023 году — доклад. — Текст: электронный // Агентство Синьхуа: официальный сайт. — 2024. — 29 мая. — URL: news. cn (дата обращения: 05.06.2026).

ПСИХОЛОГИЯ

Отличительные особенности самоактуализации у лиц с успешной профессиональной самореализацией

Самохина Мария Викторовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Становление гармоничной и активной личностной позиции, уникального жизненного стиля современного человека является центральной темой психологии личности XXI в. Отдельного внимания заслуживают процессы самореализации как развития заложенных в человеке ресурсов, способствующих оптимальному решению задач как профессионального, так и личностного становления человека.

В процессах ежедневной жизнедеятельности человека постоянно осуществляется взаимодействие и взаимодвижение ряда глубоко личностных «самопроцессов», как, например, самоосуществления, самовыражения, самореализации, но, и в том числе, конечно же — самоактуализации, каждый из которых в психологии в той или иной мере описан, но в недостаточной степени объяснён, а отдельных случаях используется и синонимично (И. Б. Дерманова [1] указывает на традицию сведения этих понятий, принятую в западной психологии). В этой связи Д. А. Леонтьев говорит о том, что понятие «самореализация» является гораздо боле широким, чем понятие «самоактуализация»; кроме того, связь с определённой теоретической парадигмой гораздо более очевидна для последнего понятия, хотя в основании всех «само-процессов» и стоят самопознание и саморазвитие [2], а К. А. Абульханова — Славская [3] самореализацию непосредственно связывает с самопознанием.

Как отмечает К. Д. Катькало, сложность изучения самореализации состоит в том, что мы не можем наблюдать её непосредственно, а — лишь в проявлении её эффектов и результатов, отражённых в психике [4]. На данный момент само понятие самореализации даже не классифицировано: является ли оно потребностью, свойством, процессом или чем-то ещё иным. Отдельные исследователи считают самореализацию присущим человеческой природе явлением

как самоактуализирующемуся существу, другие предпочитают говорить о процессуальной детерминации самореализации, отрицая её всякую связь с самоактуализацией.

В психологии не существует и не может быть единого подхода в понимании профессиональной самореализации, но можно выделить: направление, ориентированное на профессиональное самоопределение личности, как компонента ценностной ориентации, — изучения профессиональных кризисов, — как компонента профессиональной Я-концепции, — как акмеологический подход в целом и другие, и все они имеют собственный предмет научного анализа [5]. Явление профессиональной самореализации комплексное, и всё большее углубление в него открывает всё новые горизонты.

В качестве объекта исследования выделены перечисленные психологические показатели у менеджеров ООО «Канцелярский мир» города Ростова-на-Дону. В обследовании приняли участвовали менеджеры по работе с клиентами, по закупке и по работе со сторонними организациями в количестве 30 человек (все женщины в возрасте от 22-х до 49 лет, при анализе результатов исследования возраст респонденток и их профессиональная специализация не учитывались).

Была поставлена задача провести анализ различий в показателях самоактуализации у лиц с профессиональной самореализацией с одной стороны — и с другими превалирующими видами самореализации. Гипотеза исследования состояла в том, что лица с преобладающей профессиональной самореализацией могут иметь отличия в показателях самоактуализации личности.

Всех респонденток просили заполнить бланки 2-х стандартных методик: «Теста суждений самореализации личности» С. И. Кудинова [6] и теста самоактуализации Э. Шостома. Также в процессе исследования сотрудникам ООО «Канцелярский мир» проводилось интервью, беседы с целью определить значение отдельных факторов профессиональной самореализации, насколько характер отношений в коллективе, практика руководства способствует развитию мотивов к профессиональной самореализации.

Методика Кудинова помимо большого числа частных показателей самореализации имеет итоговые показатели, отражающие превалирующий у респондента тип самореализации: личностной, социальной и профессиональной. Нами выявлено 9 человек с доминирующей профессиональной самореализацией (что составляет 30% выборки) и 5 человек с доминирующей личностной самореализацией (что составляет 16,7% выборки). Лиц с преобладающей социальной самореализацией нами не выявлено, но выявлено 16 человек (53,3%

выборки), чем тип самореализации не установлен (по итоговым показателям самореализации — личностной, профессиональной и социальной обнаружены все диагностические средние значения).

Выявленный тип самореализации выступил независимой переменной исследования, в отношении которой производился сравнительный анализ показателей самоотношения и частных показателей самореализации для лиц, обнаруживающих превалирующий тип самореализации (профессиональной, личностной и неустановленной).

Для попарного сравнения выборок лиц с различным превалирующим типом самореализации был использован U-критерий Манна — Уитни, применимый к нашей выборке по ограничению по численности выборки (n_1, $n_2 \geq 3$). В качестве описательных статистик использован расчет внутригрупповых средних (M) и стандартных отклонений (σ).

Согласно данным табл. 1 необходимым условиям по U-критерию Манна — Уитни в сравниваемых выборках лиц с преобладающей профессиональной личностной типами самореализации удовлетворяют показатели самоактуализации «гибкость поведения», где обнаруживается тенденция различий (U=10,000 при p=0,112), и при этом гибкость поведения, исходя из анализа внутригрупповых средних, у лиц с профессиональной самореализацией (M=52,1 при σ=10,2) значимо выше этого показателя у лиц с личностной самореализацией (M=44,2 при σ=19,5).

Таблица 1. **Значения различий по U-критерию Манна — Уитни и значения уровня статистической значимости p для него в показателях самоактуализации в сравниваемых выборках лиц с профессиональной самореализацией**

Показатели самоактуализации	Сравниваемые выборки			
	лица с профессиональной — лица с личностной самореализацией		лица с профессиональной — лица с не дифференцируемой самореализацией	
	U	p	U	p
ориентация во времени	17,000	0,518	55,000	0,357
поддержка	20,000	0,797	47,000	0,169
ценностные ориентации	22,000	1,000	57,000	0,419
гибкость поведения	10,000	0,112	56,500	0,388
сензитивность	21,000	0,898	60,000	0,522
спонтанность	19,500	0,699	50,000	0,229

Показатели самоактуализации	Сравниваемые выборки			
	лица с профессиональной — лица с личностной самореализацией		лица с профессиональной — лица с не дифференцируемой самореализацией	
	U	p	U	p
самоуважение	12,000	0,190	51,000	0,251
самопринятие	17,500	0,518	66,000	0,760
взгляд на природу человека	19,500	0,699	71,500	0,978
синергичность	15,500	0,364	69,500	0,890
принятие агрессии	15,500	0,364	45,000	0,136
контактность	18,000	0,606	66,000	0,760
познават. потребности	3,000	0,007	35,000	0,037
креативность	14,000	0,298	36,500	0,043

Хотя статистические «выбросы» велики в обеих выборках, и по показателю «познавательные потребности» в этих сравниваемых выборках имеются выраженные различия (U=3,000 при p=0,007), и здесь выраженность показателя «познавательные потребности» в выборке лиц с преобладающей профессиональной самореализацией (M=53,6 при σ=15,0) значительно выше аналогичного показателя у лиц с личностной самореализацией (M=27,0 при σ=12,7), хотя стандартные отклонения и очень велики в обеих случаях.

В сравниваемых выборках лиц с преобладающей профессиональной самореализацией и лиц, у которых преобладающий тип самореализации не дифференцирован, есть тенденция различий по показателю самоактуализации «принятие агрессии» (U=45,000 при p=0,136) и принятие агрессии по внутригрупповым средним, несколько выше у лиц с преобладающей профессиональной самореализацией (M=47,1 при σ=14,2) чем у лиц с не дифференцируемым типом самореализации (M=40,1 при σ=10,8); кроме того в сравниваемых выборках есть различия по познавательным потребностям (U=35,000 при p=0,037) и креативности (U=36,500 при p=0,043) как показателям самоактуализации, и здесь показатели в обеих случаях у лиц с профессиональной самореализацией выше, чем у лиц с не дифференцируемой самореализацией: для познавательных потребностей M=53,6 при σ=15,0 для лиц с профессиональной самореализацией и M=39,6 при σ=12,1 для лиц с недифференцированной самореализацией; для креативности M=46,9 при σ=9,3 и M=35,8 при σ=14,3 соответственно.

В остальных показателях самоактуализации различий нет, но они могут проявить себя (например, по самоуважению для сравнения лиц с профессиональной и личностной самореализациями, где U=12,000 при p=0,190, т. е. — не «проходит» по ограничению p) при увеличении численности сравниваемых выборок.

Тем не менее мы склонны считать свою 1-ю гипотезу (лица с преобладающей профессиональной самореализацией могут иметь отличия в показателях самоактуализации личности) доказанной: у лиц с профессиональной самореализацией самые высокие показатели в познавательных потребностях, у них также выше показатели в креативности и принятии агрессии по сравнению с лицами с недифференцированной самореализаций и выше показатели в гибкости поведения по сравнению с лицами с личностной самореализацией. Остальные показатели отчасти могут быть «улучшены» при существенном увеличении числа обследованных респондентов.

Подтверждены различия в сравниваемых выборках лиц с профессиональной самореализацией и не дифференцированной самореализацией с более высокими значениями у первых (у лиц с профессиональной самореализацией) в показателях самоотношения: принятие агрессии, познавательные потребности, креативность, и в частных показателях самореализации: осведомленность целей, энергичность, оптимистичность, интернальность, эгоцентризм. Лица с не дифференцированной самореализацией имеют более высокие, чем лица с профессиональной самореализацией, частные показатели по «социальным барьерам самореализации».

Литература:

1. Дерманова И. Б. К вопросу о самоактуализации и самореализации в юношеском возрасте. // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. Л. А. Коростылева. Вып. 8. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та. 2004. С. 89–101.
2. Леонтьев Д. А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ. // Современная психология мотивации. / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл. 2002. 343 с.
3. Абульханова, К. А. Сознание личности как проблема. Часть III / К. А. Абульханова, А. Н. Славская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2020. — № 4. — С. 23–32.

4. Катькало, К.Д. Психологические предикторы типов личностно-профессиональной самореализации педагога-психолога: диссерта-ция…кандидата психологических наук: 19.00.01. — Екатеринбург, 2024. — 155 с.
5. Gewirth, A. Self-Fulfillment / A. Gewirth — Nev-York: Princeton Universi-ty Press, 1998. — 248 p.
6. Кудинов С. И. Психодиагностика личности. Учебное пособие./ Кудинов С. И., Кудинов С. С. — Тольятти: Изд-во Тольяттинского государственного университета. 2012. 270 с.

Использование искусственного интеллекта школьниками: новая форма или новая суть академического обмана?

Трифонова Александра Дмитриевна, студент магистратуры
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются изменения привычного школьного списывания под влиянием генеративных моделей искусственного интеллекта (ИИ). На протяжении всей статьи идёт поиск ответа на вопрос: поменялась ли суть академического обмана или дело только в формах его проявления? В работе использовался теоретический обзор литературы, а также приведены эмпирические данные, которые были получены в ходе анонимного опроса обучающихся. Также в работе затронуты возрастные различия в отношении к обману и последствия для оценивания.

Ключевые слова: *академический обман, списывание, искусственный интеллект, школьное образование, нейтрализация, академическая нечестность.*

Раньше, чтобы учащийся мог списать, например, домашнее задание или контрольную работу, ему надо было проявить смекалку или договориться с одноклассником. Это было целой задачей. А теперь достаточно открыть чат с искусственным интеллектом (ИИ), написать запрос и работа готова. Секунд за десять, если не меньше. В связи с этим возникает вопрос: как контролировать подобный процесс? Наблюдение при написании классных работ или оценочных процедур не всегда помогает, а при выполнении учащимися домашних заданий и вовсе невозможно. Система «Антиплагиат» ищет совпадения с чужими текстами, а тут текст новый, его в общем-то нигде нет. Логика «списал, значит,

не понял и не сможет объяснить» тоже даёт сбой, так как ученик формально ничего не списывал, он «попросил помочь». А ясного правила, как во всём этом разбираться, нет. Ни в документах, ни у учителей на практике.

Отсюда и главный вопрос: где теперь граница самостоятельной работы? Раньше она была более-менее понятной, а сейчас размылась. Цель статьи —попробовать выяснить, меняется ли суть академического обмана под влиянием развития ИИ или добавилась лишь новая его форма. А также ответить на второй вопрос: какие новые возможности появляются для академической нечестности с генеративными моделями и что в самом механизме обмана остаётся неизменным?

Раньше понять, своя работа или чужая, было не так сложно. Смотрели на главное — делал человек самостоятельно или нет. И это работало, потому что старые способы обмана оставляли следы. Шпаргалку можно было заметить. Скачанный реферат — сопоставить с источником. Д. Маккейб и Л. Тревино, конечно, отмечали, что многое зависит от контекста — кодексов чести, санкций, атмосферы доверия: «студенты, обучающиеся в условиях кодексов чести, реже сообщают о серьёзном обмане» [10, с. 525]. Но сама граница между честным и нечестным всё равно оставалась довольно ясной.

Под академическим обманом будем понимать действия, которые дают учебное преимущество нечестным путём. Если говорить об ИИ, то обманом считается генерация текста или решения, которые выдаются за свои, а также перефразирование ради обхода проверки. А вот если генеративная модель объясняет тему или помогает найти ошибку — это уже не обман. Разграничение тут важное, потому что главная сложность как раз в том, что граница между помощью и подменой размывается.

Первым, кто подробно разобрал, как человек оправдывает нечестный поступок, был Г. Сайкс вместе с Д. Матза. Согласно их теории нейтрализации, нарушая норму, человек не отказывается от неё, а приспосабливает к своему поведению через оправдания: «нейтрализация — это процесс, посредством которого индивид приспосабливает норму к своему поведению, а не наоборот» [14, с. 667]. Позже Д. Маккейб и Л. Тревино сосредоточились на контекстуальных факторах, а вместе с К. Баттерфилдом обобщили десятилетие исследований [11, с. 220]. Школьную специфику и связь обмана с мотивацией учения изучали Э. Андерман и Т. Мердок [6, с. 95]. В отечественной науке близкие вопросы поднимали Л. И. Божович и Д. Б. Эльконин: мотивация учения рассматривалась ими как основа учебного поведения, а её ослабление — как условие, при котором обходные пути становятся привлекательными [1, с. 120; 4, с.

30]. В общем, к моменту появления генеративных моделей наука уже понимала и мотивы обмана, и то, как он оправдывается.

Формы различаются тем, насколько «внешним» является заимствование: от шпаргалки до пересказа чужого текста. С генеративными моделями этот ряд пополнился: текст под задание, перефразирование в обход проверки, решение задач с пошаговым объяснением, имитация собственного стиля ученика. Ключевое отличие от старого списывания в том, что готовый ответ больше не ищут — его создают под конкретную задачу, поэтому он не воспринимается как чужой [9, с. 790; 7, с. 45]. Раньше плагиат предполагал исходный текст, который можно было сопоставить с работой; теперь исходного текста может не быть вовсе, и проверка на уникальность теряет смысл. М. Шарплс и М. Перкинс отмечают автоматизацию учебного письма и трудность его отличия от самостоятельного; Шарплс, в частности, пишет, что «автоматизированное письмо ставит под вопрос саму ценность письменной работы как доказательства обучения» [13, с. 1121; 12, с. 3]. Вопрос о границах обмана перестаёт быть техническим и становится вопросом о том, что считать самостоятельной учебной работой.

И ещё один момент. ИИ сегодня закрывает целый спектр учебных задач: решает математические и физические задачи, пишет сочинения и рефераты, готовит текст для устного ответа. Удобно? Да. Но удобство оборачивается новой проблемой — часть школьников принимает сгенерированный ответ без проверки, не соотнося его с условием задачи и не оценивая достоверность. В результате работа может быть выполнена формально верно, но содержательно ошибочно, и сам ученик этого не замечает. Тем самым ИИ не только облегчает обман, но и создаёт риск некачественного, непроверенного знания, которое закрепляется как учебный результат.

Чтобы проверить, как это выглядит на практике, зимой и весной 2026 года я провела опрос в электронной форме (с использованием сервиса «Яндекс Формы») среди учеников 9–11 классов одной из школ Санкт-Петербурга. Всего в нём участвовали 60 человек: 47 девушек и 13 юношей. Мне важно было понять не только то, как часто школьники обращаются к ИИ, но и зачем они это делают и как оценивают надёжность того, что получают.

Почти все участники опроса уже использовали ИИ в учёбе — 58 человек из 60. Но частота различается: дома письменные работы с его помощью «всегда» выполняют 2 человека (3%), «часто» — 27 человек (47%), «иногда» — 18 (31%), «редко» — 11 (19%), «никогда» — 2 (3%). На уроках картина скромнее: «всегда» — 1 человек (2%), «часто» — 16 (28%), «иногда» — 16 (28%), «редко» —

16 (28%), «никогда» — 11 (19%). То есть за пределами класса ИИ используют заметно активнее, чем прямо на занятии. Данные сведены в рис. 1.

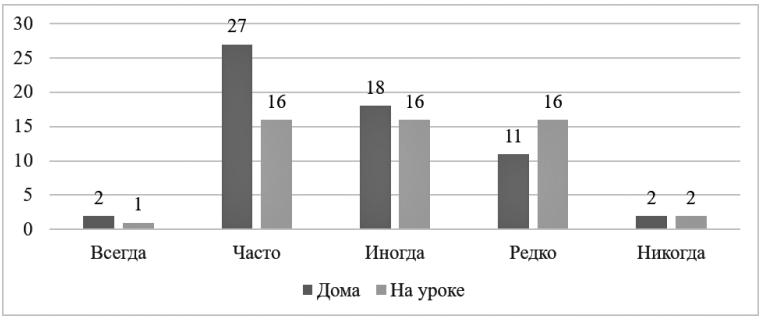


Рис. 1. **Частота выполнения заданий с помощью ИИ дома и на уроках**

Цели распределились неравномерно. Чаще всего ИИ нужен для поиска информации — 49 человек. Проверить свою работу с его помощью доверяют 39 человек, попросить план и идеи — 23, структурировать мысль — 21, сгенерировать текст целиком — 18, выполнить задание вместо себя — 19; ещё 14 человек выбрали «другие цели». Данные сведены в рис. 2.

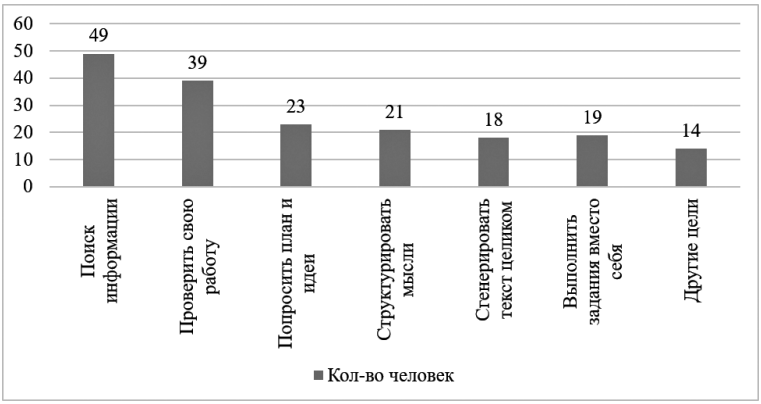


Рис. 2. **Цели использования ИИ**

Отношение к достоверности оказалось настороженным: только 3 человека (5%) считают, что ИИ всегда прав. Остальные настроены осторожнее: 29 человек (48%) знают по своему опыту, что это не так, и потому перепроверяют

сгенерированную информацию; 18 (30%) предполагают, что результат может быть недостоверным; 5 (8%) судят по опыту других. При этом 5 человек (8%) признают, что знают о ненадёжности, но всё равно не проверяют. Данные сведены в рис. 3.



Рис. 3. **Отношение к достоверности**

Одобрение использования ИИ в учёбе большинство высказывают с оговорками: 37 человек (67%) — «в определённых обстоятельствах», 17 (28%) — без оговорок, 3 (5%) — только для письменных заданий, 2 (3%) — только для устных. Против всего один человек (2%). В сумме 59 респондентов готовы допустить ИИ хотя бы в каких-то случаях. См. рис. 4.



Рис. 4. **Одобрение использования ИИ**

Эти данные хорошо ложатся на то, о чём шла речь выше. Школьники активно пользуются ИИ, но далеко не всегда воспринимают его как инструмент

обмана. Скорее, как помощника, которым можно воспользоваться по-разному. При этом часть из них понимает, что результат нужно проверять, а часть — нет. Именно это различие и становится важным для дальнейшего разговора о мотивах и оправданиях.

В младших классах отношение к обману определяется страхом наказания и прямым указанием учителя. В средней и старшей школе одними из факторов становятся самоутверждение, конкуренция и давление сверстников. Э. Андерман и Т. Мердок связывают этот сдвиг с перестройкой учебной мотивации в подростковом возрасте, когда внешняя оценка становится способом удержать статус в группе [6, с. 110]. Именно в этот период генеративные модели особенно востребованы: они позволяют школьникам выглядеть успешными без видимых усилий, а групповая норма «все так делают» снимает моральное напряжение. Поэтому профилактика, рассчитанная только на младших школьников, недостаточна: у подростков обман закрепляется через одобрение группы и требует иных форм работы.

В России ситуация осложняется тем, что Антиплагиат изначально нацелен на поиск совпадений с существующими текстами, а не на распознавание сгенерированного. Массовой проверки работ на ИИ ни в ЕГЭ, ни в школьных контрольных пока нет, а нормативные документы школ отдельно использование генеративных моделей не регулируют. Российских исследований академической нечестности немного, и касаются они в основном вузов; школьный уровень изучен слабее.

Основа обмана не изменилась: страх оценки, слабая мотивация, давление обстоятельств [1, с. 120; 6, с. 95]. Новое — только способы оправдания: «ИИ — это как калькулятор», «я же проверил, что он написал», «это не списывание, а помощь». Форма другая, психологический механизм тот же: нечестный поступок закрепляется по мере того, как ученик находит для него приемлемое объяснение [14, с. 669]. Многие школьники искренне не считают использование ИИ обманом.

Обзор был бы неполным без упоминания позиции, согласно которой ИИ — не только угроза. Часть исследователей видит в нём средство поддержки обучения при условии прозрачного использования и обучения этике работы с моделью. С. Дэвис с соавторами прямо говорят, что «простые запреты не решают проблему, а лишь вытесняют её в менее заметные формы», и предлагают работать с причинами, а не с инструментами [8, с. 210; 7, с. 60]. С этой точки зрения запреты бесполезны, а задача школы — не мешать инструменту, а встроить его в учёбу. При этом важно не смешивать разные сценарии использования. Наряду

с теми, кто перепоручает модели всю работу, есть школьники, которые применяют ИИ для вполне «грамотных» целей: проверяют орфографию и пунктуацию в собственном тексте, просят помочь со структурированием мысли, уточняют непонятное определение. Тут важно не смешивать сценарии. Когда ИИ помогает, например, проверяет орфографию или подсказывает структуру, он не подменяет работу, а поддерживает её. Различие не в инструменте, а в том, сохраняет ли ученик авторство и контроль над результатом.

Последствия обмана системные. Оценка перестаёт отражать реальные знания, учебный труд обесценивается, отношения учителя и ученика строятся на подозрении. Выход не в запрете, а в изменении условий. Смещать контроль с результата на процесс (устная защита, работа в классе, черновики), менять задания в сторону трудно генерируемых (личный опыт, наблюдение, проект), учить этике использования искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект меняет форму и масштаб академического обмана, но не его психологическую суть. Бороться нужно не с инструментом, а с условиями, которые делают обман привлекательным. Результаты проведённого опроса среди учащихся 9–11 классов показали, что школьники активно используют ИИ, но далеко не всегда воспринимают его как обман — скорее как помощника, которым можно воспользоваться по-разному. Это ставит перед образованием новые вопросы: как научить школьников различать помощь и подмену? Как выстроить оценивание, которое не обесценивает самостоятельную работу? Поиск ответов на них составляет перспективу дальнейших исследований.

Литература:

1. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 400 с.
2. Выготский Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. — Москва: Педагогика, 1991. — 480 с.
3. Знаков В. В. Психология понимания правды / В. В. Знаков. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. — 280 с.
4. Эльконин Д. Б. Психология обучения младшего школьника / Д. Б. Эльконин. — Москва: Знание, 1974. — 64 с.
5. Ajzen I. The Theory of Planned Behavior / I. Ajzen. — Text: unmediated // Organizational Behavior and Human Decision Processes. — 1991. — Vol. 50, № 2. — P. 179–211.

6. Anderman E. M. Psychology of Academic Cheating / E. M. Anderman, T. B. Murdock. — Elsevier Academic Press, 2007. — 348 p.
7. Carroll J. A Handbook for Deterring Plagiarism in Higher Education / J. Carroll. — Oxford: Oxford Centre for Staff and Learning Development, 2007. — 120 p.
8. Davis S. F. Cheating in School: What We Know and What We Can Do / S. F. Davis, P. F. Drinan, T. B. Gallant. — Wiley-Blackwell, 2009. — 272 p.
9. Howard R. M. Plagiarism and the Postmodern: A Question of Authorship / R. M. Howard // College English. — 1995. — Vol. 57, № 7. — P. 788–806.
10. McCabe D. L. Academic Dishonesty: Honor Codes and Other Contextual Influences / D. L. McCabe, L. K. Trevino // The Journal of Higher Education. — 1993. — Vol. 64, № 5. — P. 522–538.
11. McCabe D. L. Cheating in Academic Institutions: A Decade of Research / D. L. McCabe, L. K. Trevino, K. D. Butterfield // Ethics & Behavior. — 2001. — Vol. 11, № 3. — P. 219–232.
12. Perkins M. Academic Integrity Considerations of AI Large Language Models in the Post-Pandemic Era: ChatGPT and Beyond / M. Perkins // Journal of University Teaching & Learning Practice. — 2023. — Vol. 20, № 2.
13. Sharples M. Automated Essay Writing: An AIED Opinion / M. Sharples // International Journal of Artificial Intelligence in Education. — 2022. — Vol. 32. — P. 1119–1126.
14. Sykes G. M. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency / G. M. Sykes, D. Matza // American Sociological Review. — 1957. — Vol. 22, № 6. — P. 664–670.

ПЕДАГОГИКА

Методология интеграции принципов «зеленой» биотехнологии и экологической безопасности в профессиональную подготовку технологов фармацевтического производства

Жлобич Павел Дмитриевич, преподаватель

ГПОАУ Ярославской области «Ярославский промышленно-экономический колледж имени Н.П. Пастухова»

В статье рассматривается методология внедрения принципов «зеленой» биотехнологии и экологической безопасности в образовательный процесс среднего профессионального образования на примере ГПОАУ ЯО «Ярославский промышленно-экономический колледж им. Н.П. Пастухова». Предложен подход к интеграции экологических компетенций в преподавание профессиональных дисциплин. Особое внимание уделено разработке междисциплинарных учебных модулей и учету регионального контекста Ярославской области.

Ключевые слова: *зеленая биотехнология, GMP, экологическая безопасность, фармацевтическое производство, биологические отходы.*

Современная фармацевтическая отрасль находится на этапе трансформации, обусловленной глобальными целями устойчивого развития, закрепленными в Указе Президента Российской Федерации № 176. [6]. Концепция «зеленой» биотехнологии и «зеленой» химии перестает быть исключительно теоретическим трендом [5] и становится жестким требованием к производственным процессам. Для технологов фармацевтического производства, подготовка которых ведется в системе среднего профессионального образования (СПО), критически важно сформировать не только навыки обеспечения качества (GMP), но и компетенции в области экологической безопасности.

В ГПОАУ ЯО «Ярославский промышленно-экономический колледж им. Н. П. Пастухова» подготовка технологов опирается на изучение фундаментальных и прикладных дисциплин, таких как: «Биохимии», «Микробиологии», «Осуществление биотехнологических процессов с использованием микробио-

логического синтеза и биотрансформации микроорганизмов и других клеточных культур», «Основ современных технологий производства лекарственных средств», а также профильных «Блоков GMP и специальных биотехнологических навыков» и др. Интеграция экологических принципов в эти дисциплины позволяет подготовить специалиста нового типа — не просто исполнителя регламентов, а сознательного участника процесса, осознающего связь между эффективностью синтеза, качеством продукции и состоянием окружающей среды.

Методология интеграции базируется на принципе «сквозного экологического аудита». Студенты должны понимать, что биотехнологический и химико-фармацевтический процессы не заканчиваются получением целевого продукта. Они включают стадию утилизации биомассы, отработанных сред и растворителей.

В рамках преподавания акцент смещается с простого изучения метаболических путей на оценку их «экологичности» (например, использование ферментативного катализа вместо химического, что снижает токсичность побочных продуктов). Так же рассматриваются принципы «зеленой» химии [5]: минимизация растворителей, энергоэффективность, использование возобновляемого сырья.

Большинство дисциплин становятся мостом между экологией и качеством. Студенты учатся видеть, что неправильная утилизация биологических отходов — это не только экологический ущерб, но и прямое нарушение правил GMP (риск кросс-контаминации, микробиологической обсемененности чистых помещений) [3].

Для реализации методологии предлагается внедрение практико-ориентированных учебных модулей. Рассмотрим конкретный предлагаемый пример модуля «**Эколого-технологический аудит биотехнологического производства**».

Цель модуля. Научить студентов оценивать эффективность синтеза в неразрывной связи с экологическими последствиями и требованиями GMP.

Структура и задачи модуля. Студентам предлагается кейс. П*роизводство рекомбинантного белка (или антибиотика) методом глубинной ферментации.*

1. **Этап 1: Оценка эффективности.** Студенты рассчитывают выход целевого продукта, анализируют метаболические пути продуцента, оптимизируют состав питательной среды для повышения титра.

2. **Этап 2: Анализ отходов и экологических последствий.** Рассчитывается объем и класс опасности отработанной ферментационной питательной среды (брожения) и биомассы. Студенты разрабатывают схему инактивации (например, термической или химической) перед сбросом в канализацию или передачей на утилизацию.

3. **Этап 3: Связь с GMP и здоровьем.** Студенты моделируют ситуацию нарушения санитарного режима при утилизации.

Вопрос для анализа. Как попадание активных метаболитов или антибиотиков в окружающую среду влияет на общественное здоровье? (Ответ: формирование антибиотикорезистентности у почвенных и водных микроорганизмов).

Вопрос по GMP. Как нарушение потоков отходов на производстве влияет на зоны чистых помещений и личное здоровье оператора? (Ответ: риск перекрестного загрязнения, аллергизация, нарушение градиентов давления).

Такой подход заставляет студентов осознать, что экологическая безопасность является неотъемлемой частью системы обеспечения качества и безопасности лекарственного средства.

Подготовка кадров в ЯПЭК им. Н. П. Пастухова не может быть оторвана от региональной специфики. Ярославская область обладает мощным фармацевтическим и химическим кластером (включая крупные производственные площадки, такие как «Р-Фарм», предприятия группы «Такеда» и другие локализованные производства).

Российские фармацевтические компании, работающие в регионе, сегодня строго следуют требованиям природоохранного законодательства РФ, например ФЗ № 89 «Об отходах производства и потребления» [7] и внутренним корпоративным стандартам устойчивого развития. Работодатели ждут от выпускников колледжа понимания следующих региональных и федеральных реалий:

1. Студенты изучают требования схемы санитарно-очистки Ярославской области и региональные нормативы ПДВ (предельно допустимых выбросов) для предприятий биотехнологического профиля.

2. В модули интегрированы требования действующих СанПиН к сбору, временному хранению и транспортировке отходов I–IV классов опасности, образующихся на фармпроизводстве [4]. Студенты учатся заполнять паспорта отходов и работать с электронной системой учета (ФККО).

3. В рамках изучения современных технологий рассматриваются реальные кейсы ярославских и российских предприятий по внедрению систем рециркуляции воды и утилизации тепла от ферментеров, что снижает как экологическую нагрузку, так и себестоимость продукции.

Интеграция этих требований и целенаправленное формирование экологической культуры студентов СПО [2] позволяет колледжу выступать не просто образовательным учреждением, но и центром компетенций, обеспечивающим кадрами региональную экономику, готовыми к работе на современных, экологически ответственных производствах.

Заключение

Предложенная методология интеграции принципов «зеленой» биотехнологии и экологической безопасности в преподавание профильных дисциплин в ГПОАУ ЯО «Ярославский промышленно-экономический колледж им. Н. П. Пастухова» позволяет преодолеть разрозненность знаний. Студенты перестают воспринимать GMP, биохимию и экологию как изолированные предметы. Формируется целостное понимание жизненного цикла лекарственного средства, где забота об окружающей среде и здоровье населения выступает таким же строгим регламентом, как и требования к подлинности и качеству самой субстанции, подлежащей включению в Государственный реестр лекарственных средств [1]. Это гарантирует выпускникам высокую конкурентоспособность на рынке труда и соответствует стратегическим векторам развития российской фармацевтической отрасли.

Литература:

1. Государственный реестр лекарственных средств. — Текст: электронный // grls.minzdrav.gov.ru: [сайт]. — URL: https://grls.minzdrav.gov.ru/Default. aspx (дата обращения: 19.09.2026).
2. Коурова С. И., Булдакова Н. Б., Шарыпова Н. В. Формирование экологической культуры студентов педагогического вуза // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 7. С. 162–167;
3. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52249–2009 «Правила производства и контроля качества лекарственных средств». — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: https://base.garant.ru/12171536/ (дата обращения: 19.09.2026).
4. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. N 4 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686–21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней». — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: https://base.garant.ru/400342149/ (дата обращения: 19.09.2026).
5. Зелёная химия как инструмент устойчивого развития / А. А. Атласкин, М. Е. Атласкина, А. В. Воротынцев [и др.]. — Москва: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2024. — 292 с. — ISBN 978–5–6046546–6–8. — EDN QCBDJG.

6. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176. — Текст: электронный // kremlin.ru: [сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879 (дата обращения: 19.09.2026).
7. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 N 89-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 19.09.2026).

Методическое обеспечение деятельности наставника по адаптации молодого специалиста в дошкольной образовательной организации

Овезова Гульнара Фаридовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Курбанова Айслу Тагировна, кандидат психологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Автор статьи делает выводы о том, что наставничество и методическое сопровождение деятельности молодых педагогов в современной системе дошкольного образования помогает молодым специалистам планировать карьеру, мотивирует их к повышению своего профессионального мастерства. Наставник в сфере методического сопровождения формирует у молодых специалистов навык ведения педагогической документации, развивает умение ориентироваться в нормативно-правовых актах системы образования. Деятельность наставника включает в себя ряд этапов: адаптационный, основной и контрольно-оценочный.

Ключевые слова: *наставничество, методическое сопровождение, профессиональный рост и становление, молодой педагог, дошкольное образовательное учреждение, воспитание, сообщество родителей, адаптация.*

Methodological support for the activities of a mentor in a pre-school educational institution for the adaptation of a young specialist

Ovezova Gulnara Faridovna, Master's student
Scientific supervisor: Kurbanova Aislu Tagirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University

The author of the article concludes that mentoring and methodological support for the activities of young teachers in the modern preschool education system helps young professionals plan their careers and motivates them to improve their professional skills. A mentor in the field of methodological support forms the skills of young specialists in maintaining pedagogical documentation enriches their ability to navigate the regulatory legal acts of the education system. The mentor's activity includes a number of stages: adaptation, basic and control and evaluation.

Keywords: *mentoring, methodological support, professional growth and formation, young teacher, preschool educational institution, upbringing, community of parents, adaptation.*

В настоящее время к системе образования и деятельности педагогического сообщества в целом предъявляются все более сложные требования. Особую актуальность приобретает проблема дефицита квалифицированных кадров в дошкольных образовательных организациях.

Много сейчас говорится о том, что происходит взросление педагогических кадров. По данным статистических исследований, количество молодых педагогов, воспитателей, приходящих работать в дошкольные образовательные организации, с каждым годом сокращается. Одновременно с этим наблюдается отток молодых педагогов из дошкольных образовательных организаций. Обостряется в каждом регионе вопрос поиска недостающих педагогических кадров [7, с. 17] и закрепления их в детском саду.

Молодые воспитатели, которые впервые пришли работать с детьми, сталкиваются с рядом трудностей, связанных с многообразием новых обязанностей. В их числе организация сотрудничества с родителями дошкольников, освоение новых нормативно-правовых документов, внедрение инноваций, а также вопросы личностного и профессионального роста. Исследования М. В. и М. К. Ивановых подтверждают, что молодые педагоги, впервые приходя в дошкольную образовательную организацию, затрудняются в выстраивании взаимоотношений с родителями, детьми, коллегами, не понимают, каким образом применить на практике методики дошкольного обучения и воспитания [1, с. 78].

Профессионально значимые качества молодого специалиста не могут сформироваться спонтанно. Как правило, это длительный процесс. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования подчеркивает необходимость создания гибкой системы наставничества в современных дошкольных образовательных организациях.

В современной психолого-педагогической литературе представлено множество толкований позиции наставника. В исследованиях Е. В. Аржаных подчеркивается, что институт наставничества играет ключевую роль в профессиональном становлении молодых педагогов, обеспечивая не только передачу опыта, но и формирование профессиональной идентичности [3, с. 28].

Наставник — это человек, который показывает путь, поддерживает, помогает. Наставник не является учителем в прямом смысле слова: его цель состоит не в передаче знаний и оценке результатов молодого сотрудника, а в сопровождении, поддержке и передаче ему собственного профессионального опыта. Он путеводитель, который помогает молодому сотруднику накапливать знания, развивать навыки и умения в целях обогащения общего мировоззрения и профессионального багажа.

Большую роль играют наставники в обеспечении процесса методического сопровождения деятельности молодых специалистов дошкольных образовательных организаций. Как отмечает К. Ю. Белая, под методическим обеспечением принято понимать массив документации воспитателя, которая необходима ему для организации педагогической деятельности на рабочем месте [4, с. 51]. Прежде всего это конспекты занятий, методические разработки мероприятий, сценарии праздников, утренников, диагностические тесты для обследования детей. Важная часть — материалы для работы с родителями: разработки по организации круглых столов, семинаров, собраний, индивидуальных консультаций, разнообразные анкеты и др. [4, с. 52].

В вопросах методического обеспечения деятельности молодого педагога наставник может предложить большой объем накопленной им разнообразной документации, что поможет начинающему педагогу строить свою работу с опорой на проверенные формы и приемы. Большим преимуществом является то, что молодой педагог при таком выстраивании взаимоотношений получает возможность параллельно получать консультации, рекомендации, советы наставника. Он перенимает опыт, формы работы с дошкольниками и семьями воспитанников, что существенно облегчает вхождение в новый коллектив и освоение новых обязанностей.

В. И. Блинов, Е. Ю. Есенина и И. С. Сергеев подчеркивают, что наставничество представляет собой сложный инструмент, эффективность которого прямо зависит от качества его методической проработки [5, с. 5]. Наставник в процессе методического обеспечения деятельности молодого специалиста может демонстрировать и практический опыт реализации конкретных технологий. Никакие теоретические знания не могут заменить живой пример эффектив-

ной работы старшего коллеги. Поэтому наставник должен не только предлагать молодому воспитателю литературу и источники информации, но и знакомить его с особенностями применения каждой технологии на практике [2, с. 6]. При этом работа наставника с молодым педагогом должна строиться по принципу систематического усложнения материала.

Не менее важную роль в методическом обеспечении деятельности молодого сотрудника дошкольной образовательной организации играет ознакомление с цифровыми технологиями в образовании. Современный наставник должен помочь молодому педагогу освоить электронные образовательные ресурсы, интерактивные пособия и цифровые инструменты диагностики, что особенно актуально в условиях цифровизации дошкольного образования.

Особое внимание наставник должен уделить формам работы с дошкольниками, таким как метод проектных технологий, метод проблемного обучения детей. Именно опытный наставник может продемонстрировать возможности применения индивидуально-личностного подхода в работе, помочь в освоении технологий работы с дошкольниками, которые имеют ограниченные возможности здоровья, и др.

Следует учитывать и риски наставничества. Как отмечает М. В. Кларин, возможна трансляция устаревших методов, авторитарный стиль общения и ограничение самостоятельности молодого специалиста [6, с. 21]. Поэтому важно, чтобы наставничество строилось на принципах сотрудничества и взаимного обогащения.

В работе с молодыми педагогами наставник может применять такие методы организации педагогической работы, как разъяснения, поощрения, словесные указания, инструкции, наглядные примеры, демонстрации и др. Наставник должен уметь строить живое общение с молодым специалистом, это помогает грамотно выявлять профессиональные дефициты, недостатки в организации работы с детьми и, напротив, обнаруживать имеющиеся плюсы, преимущества самореализации последнего в роли педагога.

Очевидно, что сам наставник должен обладать особой профессиональной компетентностью. От него во многом зависит, сможет ли молодой сотрудник найти себя в новом коллективе и сфере деятельности. Как правило, наставник сам должен иметь опыт работы не менее трех лет. Хорошо, если он лично разработает программу методического сопровождения молодого педагога. Правильно, если такая программа будет рассчитана на один год. В содержание программы рекомендуется включать разные направления деятельности молодого специалиста и наставника, в рамках которых сотрудничество

превращается в процесс совместного творчества, самовыражения, взаимного обмена опытом.

Наставник оказывает молодому педагогу не только методическую, но и психологическую, теоретическую и практическую поддержку. Наставник в сфере методического сопровождения формирует у молодых специалистов навык ведения педагогической документации, умение ориентироваться в нормативно-правовых актах системы образования. Деятельность наставника включает в себя три этапа: адаптационный, основной и контрольно-оценочный. Грамотное построение данной работы обусловливает ее эффективность: молодые педагоги легче проходят процессы адаптации, профессионального становления, развития и самореализации.

Таким образом, наставничество и методическое сопровождение деятельности молодых педагогов в современной системе дошкольного образования помогает молодым специалистам планировать карьеру, мотивирует их к повышению своего профессионального мастерства.

Литература:

1. Иванова, М. В. Особенности процесса профессиональной адаптации молодых педагогов в ДОО / М. В. Иванова, М. К. Иванова // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2019. — № 4–1. — С. 76–79. — Текст: непосредственный.
2. Бреусова, В. С. Наставничество как одна из эффективных форм профессионального роста педагога / В. С. Бреусова, В. И. Мосиенко, М. Н. Ольшанская, М. В. Фомовская. // Молодой учёный. — 2023. — № 29.1 (476.1). — С. 5–8. — Текст: непосредственный.
3. Аржаных, Е. В. Роль института наставничества в профессиональном становлении молодых педагогов / Е. В. Аржаных // Психологическая наука и образование. — 2017. — Т. 22. — № 4. — С. 27–37. — Текст: непосредственный.
4. Белая, К. Ю. Методическая деятельность в дошкольной организации / К. Ю. Белая. — Москва: ТЦ Сфера, 2014. — 127 с. — Текст: непосредственный.
5. Блинов, В. И. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент / В. И. Блинов, Е. Ю. Есенина, И. С. Сергеев // Профессиональное образование и рынок труда. — 2019. — № 3. — С. 4–18. — Текст: непосредственный.

6. Кларин, М. В. На «темной стороне» наставничества / М. В. Кларин // Профессиональное образование. Столица. — 2017. — № 4. — С. 20–22. — Текст: непосредственный.
7. Донина, И. А. К вопросу о проблеме кадрового дефицита в ДОУ: привлечение и удержание молодых специалистов / И. А. Донина, Л. В. Яблокова, В. В. Сухова // Педагогический вестник. — 2020. — № 16. — С. 16–19. — Текст: непосредственный.

Построение системы коррекционной работы по теме «Словосочетание» в 8-м классе

Стороженко Екатерина Юрьевна, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье представлен опыт разработки дидактического комплекта по теме «Словосочетание» для 8-го класса, направленного на преодоление учебных дефицитов. Описывается логика построения трех учебных блоков (от распознавания связи к ее преобразованию и объяснению), а также система коррекционных карточек. Особое внимание уделяется использованию формирующего оценивания и раздельной диагностике практических и объяснительных умений школьников. Приводятся данные апробации, подтверждающие эффективность предложенной методики.

Ключевые слова: *дидактический комплект, словосочетание, формирующее оценивание, коррекционная работа, учебные дефициты, методика преподавания русского языка, 8 класс, критериальное оценивание.*

Введение

Изучение темы «Словосочетание» в 8-м классе требует от школьника не только механического запоминания терминов, но и понимания грамматических связей. Как показывает практика, ученики часто могут интуитивно определить вид связи, но затрудняются объяснить свои действия или выполнить синонимичную замену с сохранением смысла. В связи с этим актуальной становится разработка таких дидактических материалов, которые обеспечивали бы переход от репродуктивного действия к осознанному [2].

В рамках исследования был разработан учебный комплект, основу которого составили идеи формирующего оценивания и диагностики учебных дефицитов

[3; 5]. Цель комплекта — организовать пошаговое освоение темы с возможностью адресной коррекции для каждого обучающегося.

1. Логика построения учебных блоков

Комплект включает три последовательных учебных блока, каждый из которых длится 35 минут. Такая структура позволяет удерживать внимание восьмиклассников и переходить от простого к сложному.

Первый блок: распознавание связи. На этом этапе внимание ученика направляется на грамматический признак. С помощью памятки школьник учится находить главное и зависимое слова, определять часть речи зависимого слова и характер его связи с главным. Основная цель — уйти от определения связи «на глаз» и научиться обосновывать выбор. В рабочем листе предусмотрены задания на поиск ошибки в чужом объяснении, что развивает критическое мышление.

Второй блок: преобразование согласования и управления. Здесь отрабатывается механизм синонимичной замены. Ученику предлагается сохранить главное слово и заменить зависимое родственным словом. Рабочий лист включает образец, выполнение с опорой на памятку, исправление смысловой ошибки и самостоятельную часть. Например, при замене словосочетания «деревянная ложка» ученик должен не просто образовать «ложка из дерева», но и проверить, сохранился ли смысл (материал изделия). Если ученик пишет «ложка дерева», он получает балл за форму, но теряет балл за смысл.

Третий блок: управление и примыкание. Наиболее сложный этап, где происходит сопоставление наречия с предложно-падежной формой существительного. Ученик проверяет предлог и форму, выполняет смешанные задания. Например, при замене «смотреть внимательно» на «смотреть с вниманием» важно не только образовать предложно-падежную форму, но и выбрать правильный предлог («с» или «со»). Завершение блока требует объяснения конкретного преобразования. Таким образом, тип учебного действия повторяется в разных режимах помощи, а не сводится к запоминанию определения.

2. Система адресной коррекции

Одним из ключевых элементов комплекта стали четыре коррекционные карточки, каждая из которых соответствует определенному затруднению:

1. Трудности в распознавании связи (ученик не может определить главное слово или часть речи).
2. Потеря смысла при замене (ученик образует форму, но меняет значение).
3. Языковое (грамматическое) оформление (ошибки в предлогах, падежах, окончаниях).

4. Неумение объяснить решение (ученик выполняет замену, но не может назвать грамматические признаки).

Карточки назначаются адресно: при наличии нескольких затруднений сначала уточняется понимание связи, затем — преобразование и смысл, после этого — форма и объяснение.

3. Раздельная диагностика умений

Важной особенностью разработанного комплекта является разграничение компонентов оценивания, что соответствует принципам критериального оценивания [4]. В диагностических работах А и Б (по 28 баллов) были выделены отдельные критерии, представленные в таблице 1.

Таблица 1. **Критерии оценивания диагностических работ**

Критерий	Содержание	Максимум баллов
К1	Определение связи в заданиях 1–4	4
К2	Нужная связь и сохранение смысла в заданиях 5–10	12
К3	Норма формы, предлога и сочетаемости в заданиях 5–10	6
К4	Признаки двух связей и выполненная замена в заданиях 11–12	6
Итого	**Одна работа А или Б**	**28**

Такое разделение позволяет учителю увидеть, где именно спотыкается ученик. Например, ребенок может правильно образовать форму (К2), но перепутать падеж (К3), или выполнить замену, но не суметь объяснить её (К4). Именно такой подход позволяет перейти от выставления общей оценки к точечной помощи.

4. Результаты апробации

Апробация комплекта проводилась на базе индивидуальных занятий с десятью обучающимися 8 класса. Каждый участник прошел три учебных блока (по 35 минут) и выполнил входную (А) и итоговую (Б) работы. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. **Средние результаты по критериям**

Критерий	Максимум	Среднее А	Среднее Б	Прирост
К1	4	3,6	3,9	+0,3
К2	12	9,1	12,0	+2,9
К3	6	5,4	5,9	+0,5
К4	6	0,9	4,9	+4,0

Наиболее заметные изменения связаны с объяснением преобразований: средний результат по К4 увеличился с 0,9 до 4,9 балла из 6. Это свидетельствует о том, что после прохождения учебных блоков ученики стали лучше понимать грамматические основания замены. Однако максимальные 3 балла были получены в 12 из 20 итоговых объяснений против 1 из 20 входных, что говорит о сохранении отдельных трудностей.

В практической части требуемый тип связи был получен в 46 из 60 входных и во всех 60 итоговых ответах. Все три компонента преобразования выполнены в 38 из 60 случаев в работе А и в 59 из 60 в работе Б. Различение этих показателей необходимо: два балла за сохранённые смысл и нормативность при переписывании исходного сочетания не свидетельствуют о выполненной замене связи. С учетом малой выборки (10 человек) полученные результаты следует рассматривать как предварительные, требующие дальнейшей проверки на большей группе обучающихся.

5. Примеры типичных затруднений

В ходе анализа работ были выявлены следующие ошибки:

— В словосочетании «деревянная ложка» ученик записал «ложка дерева». Оценка — 1+0+1 = 2 балла. Управление получено, форма родительного падежа возможна, но значение материала не передано. Правильный вариант — «ложка из дерева».

— В словосочетании «читать с выражением» ученик записал «читать выражая». Оценка — 1+0+0 = 1 балл. Деепричастие создает примыкание, но действие не раскрыто, значение и норма не сохранены. Правильный вариант — «читать выразительно».

— В словосочетании «отвечать уверенно» ученик записал «уверенно читать». Оценка — 0+0+1 = 1 балл. Главное слово заменено, управление не получено. Правильный вариант — «отвечать с уверенностью».

Эти примеры показывают, что даже при формальном получении нужной связи ученик может терять смысл или нарушать норму. Именно поэтому раздельное оценивание К2, К3 и К4 является принципиально важным.

Заключение

Разработанный дидактический комплект по теме «Словосочетание» объединяет в себе диагностику, три учебных блока, памятки и задания на практическое преобразование. Индивидуальная работа с использованием раздельных критериев оценивания позволяет фиксировать конкретные затруднения школьников (выбор предлога, сохранение главного слова, грамматическое обоснование).

Предложенная методика подтвердила свою целесообразность в условиях педагогического сопровождения. Она может быть использована учителями-словесниками при подготовке к ОГЭ, а также при организации индивидуальной работы с отстающими учениками. Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением банка коррекционных карточек и разработкой аналогичных комплектов для других грамматических тем.

Литература:

1. Федеральная рабочая программа основного общего образования. Русский язык для 5–9 классов образовательных организаций. Москва, 2025. 252 с.
2. Баранов М. Т., Ипполитова Н. А., Ладыженская Т. А., Львов М. Р. Методика преподавания русского языка в школе / под ред. М. Т. Баранова. Москва: Академия, 2001. 368 с.
3. Пинская М. А. Формирующее оценивание: оценивание в классе: учебное пособие. Москва: Логос, 2010. 264 с.
4. Пинская М. А., Иванов А. В. Формирующий подход: критериальное оценивание в действии // Народное образование. 2010. № 5. С. 192–201.
5. Шаповалова О. Н., Ефремова Н. Ф. Формирующее оценивание как технология развития учебной самостоятельности школьников // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. Вып. 1. С. 1–8.

От зеркала к биоуправлению: инновационные нейрологопедические технологии в работе со старшими дошкольниками

Якунина Вероника Александровна, учитель-логопед;
Иванова Лариса Александровна, воспитатель;
Дрыкова Инна Владимировна, учитель-логопед;
Старушкина Элеонора Викторовна, воспитатель

МБДОУ детский сад комбинированного вида № 1 МО Тимашевский район (Краснодарский край)

Суть статьи заключается в том, что традиционные логопедические методы недостаточно эффективны при работе с современными старшими до-

школьниками, поэтому логопедия должна трансформироваться в высокотехнологичную синергию цифровых технологий.

Ключевые слова: *инновационные технологии, биологическая обратная связь, БОС, метод двойных задач, интерактивный сторителлинг.*

Современное цифровое детство диктует новые правила формирования высших психических функций, включая речь. У детей старшего дошкольного возраста с тяжелыми нарушениями речи всё чаще диагностируется снижение когнитивного контроля, истощаемость внимания и так называемая «экранная зависимость», блокирующая мотивацию к монотонной деятельности. Традиционные логопедические практики, опирающиеся исключительно на механическое повторение и пассивное созерцание своего отражения в зеркале, сегодня демонстрируют снижение эффективности. Для преодоления речевого негативизма и ускорения коррекционного процесса современная логопедия трансформируется, интегрируя методы биоуправления, нейродинамического моделирования и интерактивного сторителлинга.

Нейробиологические предпосылки: почему старые методы дают сбой?

Старший дошкольный возраст — это период активного формирования произвольности, программирования и контроля собственной деятельности. Однако у детей с нарушениями речи (например, при стертой дизартрии или моторной алалии) страдает не просто изолированное произношение звуков, а вся система моторного планирования (праксиса). Ребенок буквально не чувствует положения органов артикуляции в пространстве, у него ослаблена кинестетическая обратная связь.

Пытаясь компенсировать это традиционным показом у зеркала, педагог сталкивается с тем, что старший дошкольник быстро утомляется. Вектор его внимания смещается, а процесс автоматизации звуков затягивается на долгие месяцы.

Решением становится метод биологической обратной связи (БОС) и вовлечение речевых зон через общую моторику. Нейробиологические зоны коры головного мозга, отвечающие за движение (моторная кора) и за воспроизведение речи (зона Брока), находятся в тесном соседстве и постоянном синергизме. Активизируя крупную моторику, мозжечок и межполушарные связи, мы создаем прочный фундамент для быстрого и осознанного усвоения звуковых норм.

Метод двойных задач: интеграция тела и речи

Одним из наиболее перспективных направлений в работе со старшими дошкольниками является метод двойных задач. Его суть заключается в одно-

временном выполнении моторного (координационного) действия и речевого упражнения. Это позволяет перевести навык произношения звука из фазы жесткого сознательного контроля в фазу автоматизма, что в обычных условиях занимает много времени.

Цифровой след звука: технологии визуального биоуправления

Старшие дошкольники — это поколение, воспринимающее мир преимущественно через динамичный визуальный контент. Отрицать это бессмысленно, но этот фактор можно обратить на пользу коррекционному процессу с помощью технологий визуального БОС.

Когда ребенок просто повторяет за логопедом, критерий успешности для него субъективен («взрослый сказал, что правильно»). Технологии биоуправления позволяют сделать звук осязаемым, переведя акустические параметры речи в зрительные образы.

Логопедический сторителлинг и интерактивная сказкотерапия

Для детей 5–7 лет ведущей деятельностью остается игра, однако в старшем дошкольном возрасте она приобретает режиссерский характер. Монотонное выполнение артикуляционной гимнастики («сделай чашечку», «подержи иголочку») снижает мотивацию. Инновационный подход требует оборачивать рутинный тренаж в сквозной интерактивный сторителлинг. Это метод коррекции, при котором рутинные речевые упражнения полностью растворяются в одной непрерывной сюжетной линии (сказке или квесте), а ребёнок становится главным героем, управляющим этим сюжетом.

Суть метода заключается в трех ключевых аспектах.

Сквозной сюжет вместо набора упражнений: Занятие перестает быть списком разрозненных заданий (подыши, подвигай языком, повтори слова). Оно превращается в целостную историю, где каждое артикуляционное или фонематическое упражнение — это логический шаг для достижения игровой цели (например, «починить двигатель ракеты» или «расколдовать замок»).

Интерактивность и смена роли: Ребёнок не просто пассивно слушает сказку, а занимает активную позицию — становится спасателем, сыщиком или путешественником. От точности выполнения им логопедических заданий зависит, как повернется сюжет и победит ли его герой.

Смена мотивации (маскировка рутины): Трудное для старшего дошкольника многократное повторение звуков или удержание позы языка теряет характер принуждения. Ребёнок старается правильно произнести звук не для логопеда, а потому что это «единственное заклинание, способное открыть тайную пещеру».

Заключение

Современная логопедия для старших дошкольников уверенно выходит за рамки узкого «исправления дефектов речи». Сегодня — это высокотехнологичная синергия цифровой педагогики, практической нейропсихологии и возрастной физиологии.

Превращая процесс автоматизации звуков в осознанное управление собственным телом и цифровым пространством, мы не просто формируем правильное звукопроизношение. Мы развиваем у будущего первоклассника функции самоконтроля, пространственной ориентации, концентрации внимания и волевой регуляции. Такой комплексный подход закладывает надежный фундамент для профилактики дисграфии и дислексии, обеспечивая ребенку мягкий и успешный переход к обучению в школе.

Литература:

1. Ахутина, Т. В. Нейропсихологический подход к диагностике и коррекции речевых нарушений у детей / Т. В. Ахутина // Методы нейропсихологического обследования детей / под ред. Т. В. Ахутиной. — М.: Владос, 2021.
2. Иванова, О. А., Петрова, Е. Н. Применение технологий биологической обратной связи (БОС) в коррекции стертой дизартрии у старших дошкольников / О. А. Иванова, Е. Н. Петрова // Вопросы дошкольной педагогики. — 2024. — № 3 (51). — С. 14–18.
3. Смирнова, М. В. Интерактивный сторителлинг как средство преодоления речевого негативизма у детей с ОНР / М. В. Смирнова // Логопед в детском саду. — 2025. — № 2. — С. 34–41.

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Сборник размещается и индексируется на портале eLIBRARY. RU,
на момент выхода в свет сборник не входит в РИНЦ.

Подписано в печать 24.11.2026. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 5,6.
Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова,
д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»:
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова,
д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.